

ДИНО
БУЦЦАТИ

Татарская пустыня
Загадка старого леса

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Дино Буццати

**Татарская пустыня. Загадка
старого леса (сборник)**

«АСТ»

1940, 1935

УДК 821.131.1-31
ББК 84 (4Ита)-44

Буццати Д.

Татарская пустыня. Загадка старого леса (сборник) /
Д. Буццати — «АСТ», 1940, 1935 — (Зарубежная классика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-109353-2

«Татарская пустыня» – шедевр притчевой прозы, оказавший значительное влияние на последующую модернистскую литературу, – своеобразное житие молодого офицера, который всю жизнь провел на далеком форпосте на краю пустыни в ожидании нападения таинственных варварских орд, по смутным слухам, живущих по ту ее сторону. История жизни, растроченной в ожидании действия, в надежде и страхе того, что «что-то случится». Причудливая и изящная «Загадка старого леса», с ее легкой и печальной интонацией на первый взгляд, относится к жанру литературной сказки для взрослых, однако за незатейливой в сюжетном отношении имитацией народной легенды скрывается глубокая притча о губительности противостояния человека и природы.

УДК 821.131.1-31
ББК 84 (4Ита)-44

ISBN 978-5-17-109353-2

© Буццати Д., 1940, 1935
© АСТ, 1940, 1935

Содержание

Татарская пустыня	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	15
Глава IV	20
Глава V	23
Глава VI	27
Глава VII	30
Глава VIII	34
Глава IX	38
Глава X	41
Глава XI	45
Глава XII	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дино Буццати
Татарская пустыня. Загадка старого леса
Сборник

Dino Buzzati
Il Deserto Dei Tartari
Il Segreto Del Bosco Vecchio

© Dino Buzzati Estate
© Перевод. Ф. Двин, 2018
© Перевод. О. Поляк, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Татарская пустыня

Глава I

Однажды сентябрьским утром только что произведенный в офицеры Джованни Дрого покинул город и направился в крепость Бастиани – к месту своего первого назначения.

Накануне он велел разбудить его пораньше, встал затемно и впервые надел лейтенантскую форму. Покончив с одеванием, он при свете керосиновой лампы оглядел себя в зеркале, но никакой радости вопреки ожиданию не испытал. В доме царила глубокая тишина, лишь из соседней комнаты доносились какие-то шорохи: это мама поднималась с постели, чтобы проститься с ним.

День, о котором он мечтал столько лет, наступил, теперь начиналась настоящая жизнь. Он подумал о тоскливых буднях Военной академии, вспомнил, как обидно было сидеть вечерами на занятиях, прислушиваясь к шуму улицы, где гуляли свободные и, наверно, счастливые люди; вспомнил зимние побудки в выстуженных дортуарах и витавший там неизбывный призрачный наказаний. До чего же нудно тянулись оставшиеся дни, казалось, им и конца не будет.

Наконец-то он офицер, и не надо больше корпеть над книгами и вздрагивать от голоса сержанта, но время ушло. Жизнь, казавшаяся ему такой ненавистной, навсегда канула в прошлое, а ведь она складывалась из месяцев и лет, которых уже не воротить. Конечно, теперь он офицер, у него заведутся деньги, и красивые женщины, возможно, будут обращать на него внимание, а все-таки – чувствовал Джованни Дрого – лучшие годы, годы ранней юности, уже не вернешь. С такими мыслями Дрого разглядывал в зеркале свое лицо, надеясь найти в нем хоть что-нибудь привлекательное, но видел лишь вымученную улыбку.

До чего все нелепо: ну почему во время прощания с матерью он не смог улыбнуться ей беспечно, как подобает офицеру? Почему пропустил мимо ушей ее последние советы, вобрав в себя лишь звук ее голоса – такой родной, такой теплый? Почему он бестолково и нервно метался по комнате в поисках часов, стека, фуражки, хотя они, как всегда, были на месте? Ведь не на войну же он собирался. Десятки точно таких же, как он, лейтенантов, его товарищи, тоже покидали сейчас отчий кров, но весело, со смехом, словно на праздник собирались. Почему же он, разговаривая с матерью, находил для нее лишь банальные, бессмысленные фразы вместо ласковых, ободряющих? Горечь первого расставания со старым домом, где его появление на свет связывалось с самыми добрыми надеждами, обычные страхи, порожаемые любыми переменами в жизни, волнение от прощания с матерью переполняли его душу, но сильнее всего была странная, неотвязная мысль, смутное предчувствие каких-то роковых событий, словно он уходил туда, откуда не возвращаются.

Лучший друг Франческо Вескови проводил его немного верхом.

Цоканье копыт гулко разносилось по пустынным улицам. Светало, город еще спал, но кое-где, на верхних этажах, открывались ставни и из окон выглядывали усталые лица, чтобы лишь на мгновение окинуть безучастным взглядом изумительную картину зарождающегося утра.

Приятель молчал. Дрого пытался представить себе, что это за крепость такая – Бастиани, но безуспешно. Он даже не знал точно ни где она находится, ни сколько до нее ехать. Одни говорили, что верхом туда можно добраться за день, другие полагали, что быстрее, но никто из тех, кого он расспрашивал, судя по всему, сам там не бывал.

У городских ворот Вескови начал оживленно болтать о всяких пустяках, словно Дрого отправлялся на прогулку, а потом вдруг заметил:

– Видишь вон ту зеленую гору? Да-да, ту самую. Видишь строение на самой маковке? Так это и есть часть Крепости, ее передовой редут. Два года назад мы с дядей, помнится, охотились в тех местах.

Они уже выбрались за городскую черту. Потянулись кукурузные поля, луга, красные от осенних листьев рощи. Ехали рядышком по белой, залитой солнцем дороге. Они дружили с детства: много лет были соседями, вместе играли в компании таких же мальчишек и редкий день не видались. Потом семья Вескови разбогатела, Дрого избрал карьеру офицера, и приятели как-то отдалились друг от друга. Беспечная роскошная жизнь, которую вел Вескови, была чужда Дрого: впереди у него неизвестность и важные дела. Джованни казалось, что даже их лошади идут разным шагом: его лошадь перебирала ногами не легко и резво, а как-то тревожно, напряженно, очевидно, даже животное чувствовало, что все теперь будет по-другому.

Дорога шла на подъем. В верхней его точке Дрого оглянулся назад и посмотрел, шурясь от солнца, на город; над крышами поднимались утренние дымки. Вдали он увидел родной дом, различил окно своей комнаты. Все окна там сейчас, наверно, открыты, женщины занимаются уборкой. Разберут его постель, спрячут в шкаф одежду, а потом закроют ставни на засов. Долгие месяцы в комнату никто не заглянет, вездесущая пыль покроет вещи – лишь в солнечные дни туда будут проникать узкие полоски света. Маленький мирок его детства погрузится в темноту. Мать позаботится о том, чтобы оставить все как было до его возвращения, чтобы он после долгого отсутствия мог снова почувствовать себя мальчишкой. Да, она, конечно, надеется сохранить в неприкосновенности счастье, ушедшее навсегда, и сдержат бег времени, ей кажется, будто стоит открыть по возвращении сына окна и двери, как все опять сделается таким, как прежде.

Наконец они с Вескови сердечно попрощались, и Дрого один поехал дальше, в сторону гор. Когда он спустился в долину, ведущую к Крепости, солнце уже стояло в зените. Справа, на вершине горы, виднелся редут, на который указал Вескови. Судя по всему, ехать оставалось недолго.

Дрого не терпелось поскорее добраться до места, и, не останавливаясь даже, чтобы поесть, он гнал уставшего коня по дороге, которая забирала все круче между зажимавшими ее отвесными стенками.

Путники стали встречаться совсем редко. Джованни спросил у какого-то возницы, сколько еще ехать до Крепости.

– До крепости? – переспросил тот. – До какой крепости?

– До крепости Бастиани, – ответил Дрого.

– Никакой крепости здесь поблизости нет, – сказал возница. – Никогда о ней даже не слышал.

По-видимому, он плохо знал местность. Дрого снова тронулся в путь.

С приближением вечера на душе у него стало беспокойно. Он оглядывал высоченные крутые склоны по обе стороны долины, надеясь все же увидеть Крепость. Воображение рисовало ему что-то вроде старинного замка с уходящими ввысь стенами. Но время шло, и он все больше убеждался, что Франческо дал ему неверный ориентир; редут, о котором он говорил, скорее всего, давно остался позади. А уже начинало темнеть.

Взгляните-ка на этого Джованни Дрого и на его коня – какие они крошечные на фоне гор, которые становятся все выше, все неприступнее.

Он продолжает подъем, надеясь, пока не стемнело окончательно, добраться до Крепости, но, опережая его, из глубины ущелья, оттуда, где ревет поток, поднимаются тени и движутся быстрее, чем он. В какой-то момент, когда тени по другую сторону ущелья оказываются на одном уровне с Дрого, создается впечатление, будто они вдруг замедляют свой бег, чтобы не лишать его последней надежды, но потом опять скользят вверх по обрывам и скалистым выступам и накрывают всадника.

Вся лощина была уже заполнена сиреневыми сумерками, лишь поросшие травой гребни на невообразимой высоте еще освещало солнце.

Тут перед Дрого вдруг выросла черная на фоне чистого вечернего неба громада военного сооружения, казавшегося очень старым и безлюдным.

У Джованни забилося сердце: наверное, это та самая Крепость, подумал он, но почему-то все вокруг – и сами стены, и пейзаж – выглядело очень уж неприветливо, даже зловеще.

Он стал объезжать крепость в поисках ворот. Хотя уже стемнело, нигде не было видно ни светящегося окна, ни огоньков в караулках на высоких стенах. Только летучая мышь металась на фоне белого облака.

Наконец Дрого решил подать голос:

– Э-ге-ге! Есть здесь кто-нибудь?!

И тогда из густой тени у подножия стены вышел человек – с виду бродяга, нищий с седой бородой и сумой в руке. В полутьме поблескивали белки его глаз, разглядеть что-нибудь еще было трудно. И все же Дрого очень ему обрадовался.

– Кого вы здесь ищете, господин? – спросил тот.

– Мне нужна Крепость. Это она?

– Крепости здесь больше нет, – ответил незнакомец приветливо. – Все заколочено, лет десять, как все ушли.

– А где ж тогда Крепость? – раздраженно спросил Дрого, словно человек этот был перед ним виноват.

– Какая крепость? Может, вон та? – Незнакомец указал рукой вдаль. В узкой щели между двумя ближними скалами, уже окутанными тьмой, за хаотичным нагромождением уходящих ввысь гребней последние закатные лучи солнца, словно развеяв волшебные чары, высветили перед Джованни Дрого голый холм и на его вершине геометрически четкую ломаную линию какого-то странного желтоватого цвета – контуры Крепости.

Ох, как же она была далека! Бог знает сколько часов предстояло до нее добираться, а лошадь уже совсем выбилась из сил. Дрого как замороженный всматривался в даль, спрашивая себя, чем могла привлечь его эта одинокая крепостишка, спрятавшаяся от всего мира? Какие тайны она хранила? Вечер между тем был на исходе. Последний луч солнца медленно скользнул по далекому холму, и фиолетовые тени надвигавшейся ночи стали быстро заглатывать желтые стены бастионов.

Глава II

Темнота настигла его в пути. Долина была узкой, и Крепость скрылась за нависшими над дорогой горами. Нигде не было ни огонька, ночные птицы молчали, лишь изредка до его слуха доносился шум далеких горных потоков.

Он пробовал кричать, но эхо возвращало его голос, придавая ему что-то зловещее. Джованни привязал лошадь к обрубку дерева на краю дороги, где росло немного травы, а сам сел на землю, прислонился спиной к откосу и, ожидая, когда придет сон, стал думать о пути, который ему еще предстоит проделать, о людях, с которыми он познакомится в Крепости, о своей будущей жизни; и думы эти были безрадостны. Лошадь время от времени бухала копытами по земле, и Дрого всякий раз вздрагивал от этого неприятного и странного звука.

На рассвете, вновь пустившись в путь, он увидел на противоположном склоне другую дорогу, тянувшуюся примерно на той же высоте, а через некоторое время заметил там какой-то движущийся предмет. Солнце еще не осветило ущелье, и в нем затаились глубокие тени, из-за которых было трудно разглядеть все как следует. Но Дрого, подхлестнув коня, все же поравнялся с непонятной фигурой и увидел, что это верховой офицер.

Наконец-то живая душа, свой человек, с которым можно будет посмеяться, пошутить, поговорить о будущей жизни, об охоте, женщинах, городе. Да, о городе, уже отошедшем в сознании Дрого куда-то далеко-далеко, совсем в другой мир.

Лощина стала уже, обе дороги сблизилась, и Джованни Дрого смог даже разглядеть, что всадник – капитан. Поначалу он не решался окликнуть незнакомца – это могло показаться неуместным и невежливым – и лишь несколько раз поднес руку к козырьку фуражки, но тот не отвечал. Наверно, не видел Дрого.

– Господин капитан! – не выдержав, крикнул Джованни. И снова отдал честь.

– Что такое? – донесся до него голос с другой стороны лощины.

Капитан, остановившись, вежливо откозырял ему и ждал объяснений. В его вопросе не было строгости, одно удивление.

– Что такое? – опять прокатился по лощине голос капитана, на сей раз уже несколько раздраженный.

Джованни остановился, сложил ладони рупором и прокричал что было мочи:

– Ничего! Я просто хотел с вами поздороваться!

Объяснение получилось глупым, даже обидным для капитана, который мог подумать, что его разыгрывают. Дрого тотчас пожалел о своей выходке. В какое дурацкое положение можно себя поставить только из-за того, что тебе скучно одному.

– Вы кто? – прокричал капитан.

Этого вопроса Дрого как раз и боялся. Странная беседа через лощину приобретала таким образом характер какого-то допроса. Неприятное начало, ибо, скорее всего, капитан был из Крепости. Но теперь – деваться некуда – нужно было отвечать.

– Лейтенант Дрого! – громко отрекомендовался Джованни.

Капитан не знал его и на таком расстоянии мог не расслышать имя, но, судя по всему, ответ его успокоил, поскольку он снова тронулся в путь, согласно кивнув, словно говоря: скоро встретимся. И действительно, через полчаса в том месте, где лощина становилась совсем узкой, Джованни увидел мост: две дороги сливались в одну.

Там они и встретились. Капитан подъехал к Дрого и, не слезая с коня, протянул руку. Это был человек лет сорока или даже постарше, с тонким, благородным лицом. Форма на нем была простая, но прекрасно подогнанная.

– Капитан Ортиц, – представился он.

Дрого, пожимая ему руку, подумал, что вот наконец он вступает в мир Крепости. Это была пока лишь первая ниточка, первое знакомство, за которым последуют другие, самые разные, и он станет здесь своим человеком.

Капитан, не задерживаясь, поехал дальше; Дрого последовал за ним, чуть поотстав из уважения к старшему по чину. Он все ждал, что капитан как-нибудь выразит свое неудовольствие по поводу его неловкой попытки завязать разговор. Но капитан молчал: то ли ему не хотелось говорить, то ли от природной застенчивости он не знал, с чего начать.

Поскольку дорога круто поднималась в гору, а солнце основательно припекало, кони шли медленно. Наконец капитан Ортиц нарушил молчание:

– Я издали не совсем расслышал ваше имя... Дрого, если не ошибаюсь?

Джованни ответил:

– Дрого, через «г», Джованни Дрого. Вы уж простите, господин капитан, что я вас окликнул, – добавил он, смущаясь, – с другой стороны лошины трудно было разглядеть, какое у вас звание.

– Действительно, – не желая ставить Дрого в неловкое положение, согласился Ортиц и рассмеялся.

Так они проехали еще немного, ощущая некоторую скованность.

Потом Ортиц спросил:

– Итак, куда же вы направляетесь?

– В крепость Бастиани. Я верно еду?

– А куда же еще?

Они снова замолчали. Становилось жарко. Со всех сторон их обступали горы – гигантские, поросшие травой, дикие. Ортиц сказал:

– Вы, значит, в Крепость? Везете какой-нибудь пакет?

– Нет, господин капитан, я назначен туда служить.

– Направлены в личный состав гарнизона?

– Думаю – да, в личный состав. Это первое мое назначение.

– Ну тогда в личный состав, конечно... Что ж, это хорошо... Выходит, вас можно поздравить...

– Благодарю вас, господин капитан.

И снова какое-то время они ехали молча. Джованни очень хотелось пить, а к седлу капитана была приторочена деревянная походная фляга, в которой плескалась вода: хлюп-хлюп.

– На два года? – спросил Ортиц.

– Простите, господин капитан, что значит: на два года?

– Как это – что? Отслужите здесь, как положено, два года. Так ведь?

– Два года? Не знаю, срок мне не указали.

– Это само собой разумеется. Все новоиспеченные лейтенанты служат здесь два года, а потом уезжают.

– И для всех такой порядок? Именно два года?

– Ну разумеется, а в выслугу они идут за четыре. Ведь именно для этого все вы сюда проситесь, иначе кто бы сюда поехал? Что ж, ради карьеры и к Крепости можно привыкнуть, не так ли?

Дрого ничего об этом не знал, но на всякий случай решил отделаться ничего не значащей фразой:

– Конечно, можно...

Ортиц прервал начатый разговор: казалось, тема эта его несколько не интересует. Но теперь лед был сломан, и Джованни все же решился задать ему вопрос:

– Неужто всем, кто служит в Крепости, засчитывается год за два?

– Кому – всем?

– Я имею в виду офицеров.

Ортиц хмыкнул.

– Как же, всем! Скажете тоже! Младшим офицерам, естественно. В противном случае никто бы сюда не просился.

Дрого сказал:

– Я не просился.

– То есть как? Вы не подавали прошения?

– Нет, господин капитан. Только два дня назад мне сказали, что я назначен в Крепость.

– По правде говоря, это странно. Да уж...

Они снова помолчали. Каждый, казалось, думал о своем. Вдруг Ортиц заметил:

– Разве что...

Джованни встрепенулся:

– Простите, господин капитан?!

– Я хотел сказать: разве что других желающих не нашлось... и они направили вас сами.

– Вполне возможно, господин капитан.

– Да уж... Скорее всего, так оно и есть. Действительно. Дрого видел вырисовывающиеся на дорожной пыли четкие тени двух лошадей, двух голов, согласно кивающих на каждом шагу; слышал дробный перестук копыт, жужжанье приставших к ним больших надоедливых мух и – все.

Дорога тянулась бесконечно. Время от времени на повороте далеко впереди можно было разглядеть высеченный в отвесных склонах серпантин. Но стоило добраться до того места и посмотреть вверх, как дорога опять оказывалась перед глазами и снова ползла в гору.

– Простите, господин капитан... – сказал Дрог-о.

– Да-да, я вас слушаю.

– Нам еще долго ехать?

– Не очень. Таким шагом часа два с половиной, а может, и все три.

Да уж, к полудню, думаю, приедем.

Снова наступило долгое молчание. Лошади вспотели; та, на которой ехал капитан, устала и едва переставляла ногу.

– Вы из Королевской академии, не так ли? – спросил Ортиц.

– Да, господин капитан, из Академии.

– Тогда скажите, там ли еще полковник Магнус?

– Полковник Магнус? Что-то не слышал о таком.

Лощина стала сужаться, солнечные лучи в нее уже не попадали.

Время от времени в отвесных стенах открывались устья мрачных боковых ущелий, из которых дул ледяной ветер; впереди и выше виднелись очень крутые конусообразные горы: казалось, и трех дней не хватит, чтобы добраться до их вершин, так они высоки.

– А скажите, лейтенант, – вновь прервал молчание Ортиц, – майор Боско все еще там и по-прежнему ведаёт огневой подготовкой?

– Нет, господин капитан, и такого я не знаю. Огневую подготовку у нас ведет Циммерман, майор Циммерман.

– Ах, Циммерман, слышал я эту фамилию. Действительно... Столько лет прошло... Ясное дело, все давно сменились.

И опять оба погрузились в свои мысли. Дорога теперь вилась по солнечному склону, за горами вздымались горы, еще более крутые, скалистые.

– Я видел ее вчера вечером издали, – сказал Дрого.

– Что? Крепость?

– Да, Крепость. – Из вежливости Дрого немного помолчал, потом продолжил: – Мне она показалась огромной, грандиозной...

– Грандиозной? Ну что вы, это одна из самых маленьких крепостей очень давней постройки. Просто, когда смотришь издали, она впечатляет, – ответил капитан и, подумав, добавил: – Да, очень уж она старая, устаревшая во всех отношениях.

– Но ведь она – одна из главных, правда?

– Нет-нет, это крепость второй категории, – ответил Ортиц.

Казалось, ему доставляет удовольствие говорить о Крепости плохо, но тон у него при этом был какой-то особый: так порой отец любит подчеркивать недостатки своего сына, ибо уверен, что они ничто по сравнению с его неисчислимыми достоинствами.

– Здесь у нас участок мертвой границы, – добавил капитан. – Ее никогда не пересматривали, и она осталась, какой была сто лет назад.

– Что значит: мертвая граница?

– Граница, о которой можно не заботиться. За ней – сплошная пустыня.

– Пустыня?

– Да уж, камни и иссушенная земля. Она называется Татарской пустыней.

– Почему Татарской? – спросил Дрого. – Здесь что, были татары?

– В древние времена, возможно, и были. Но, скорее всего, это легенда. Ни в одну из войн никто к нам не подходил с той стороны.

– Значит, Крепость никому не была нужна?

– Никому, – ответил капитан.

По мере того как дорога уходила вверх, деревьев становилось все меньше, и наконец их вовсе не стало; то там, то здесь виднелись лишь редкие кусты. А дальше тянулись выжженные солнцем луга, скалы, осыпи краснозема.

– Простите, господин капитан, а есть здесь поблизости какие-нибудь деревни?

– Поблизости нет. Есть тут одна деревушка – Сан-Рокко, но до нее километров тридцать будет.

– В общем, как я вижу, не очень-то у вас повеселишься.

– Да уж, действительно не очень.

В воздухе посвежело, склоны гор стали более покатыми, появилось ощущение, что до последних гребней уже недалеко.

– И не скучно вам там, господин капитан? – спросил Джованни доверительным тоном, усмехаясь и как бы желая сказать, что его-то такие вещи мало беспокоят.

– Дело привычки, – ответил Ортиц и добавил назидательно: – Я здесь уже около восемнадцати лет, хотя что я говорю – ровно восемнадцать.

– Восемнадцать лет?! – удивленно воскликнул Джованни.

– Восемнадцать, – подтвердил капитан.

Стая ворон пролетела у них над головой и скрылась в глубине лощины.

– Вороны, – произнес капитан.

Джованни не отозвался, он думал о том, какая жизнь его здесь ждет, чувствовал, как чужд ему этот мир, это одиночество, эти горы.

– А из младших офицеров, – спросил он, – потом кто-нибудь остается?

– Теперь-то немногие, – ответил Ортиц, уже жалея, что так нелестно говорил о Крепости, ибо заметил, что у Джованни сложилось о ней превратное представление. – В общем, почти никто. Всем подавай блестящую гарнизонную жизнь. Когда-то служить в крепости Бастиани почитали за честь, а теперь эту службу отбывают вроде как наказание.

Джованни слушал молча, но капитан не унимался:

– Мы ведь на границе служим. И кадры у нас в основном отборные.

Граница есть граница. Да уж...

Дрого молчал, на душе у него вдруг стало нехорошо. Горизонт раздвинулся, вдали вырисовывались замысловатые силуэты скалистых гор, на фоне неба громоздились отдельные острые пики.

– Сейчас и в армии на все смотрят по-другому, – продолжал Ортиц.

– Да, было время, когда служба в крепости Бастиани считалась очень почетной, а теперь говорят: мертвая граница, мертвая граница, но нельзя же забывать, что и на мертвой границе может случиться всякое, ничего не узнаешь наперед.

Дорогу пересек ручей. Они остановились, чтобы напоить коней, а сами, спешившись, стали разминать затекшие ноги.

– Зато знаете, что у нас действительно первоклассное? – со смехом спросил Ортиц.

– Что, господин капитан?

– Кухня. Вот увидите, какая в Крепости кормежка. Да уж... Из-за этого и частые смотры: каждые две недели обязательно какой-нибудь генерал наезжает.

Дрого из вежливости посмеялся. Он никак не мог понять, то ли Ортиц дурак, то ли скрывает что-то, то ли просто болтает что на ум взбредет.

– Вот и отлично, – сказал он, – я ужасно проголодался!

– Ну теперь уж немного осталось. Видите вон тот бугор с осыпью?

Прямо за ним Крепость.

Снова тронулись в путь. За бугром с осыпью галечника офицеры действительно сразу же выбрались на слегка наклонное плато и впереди, метрах в пятистах, увидели Крепость.

Она и впрямь была много меньше, чем показалось Дрого накануне вечером. От центрального форта – по виду это была обычная казарма с окнами, прорезанными на большом расстоянии одно от другого, – отходили две невысокие зубчатые стены, связывавшие строение с боковыми редутами: их было по два с каждой стороны. Таким образом, крепостные стены являли собой весьма ненадежную защиту стиснутого с обеих сторон высокими отвесными скалами перевала шириной примерно в полкилометра.

Справа, у самого подножия крутого склона, на плато была впадина, что-то вроде седловины: там когда-то проходила древняя дорога через перевал, теперь она упиралась в стену Крепости.

Форт был погружен в тишину и залит не дававшим тени полуденным солнцем. По обе стороны от него тянулись голые желтоватые стены (фасад, обращенный на север, увидеть было невозможно). Из трубы шел едва заметный дым. Вдоль всей верхней кромки центрального здания, стен и редутов ходили размеренным шагом взад-вперед десятки часовых с винтовками – каждый на своем небольшом участке. Их движение, напоминавшее раскачивание маятника, как бы отмеряло ход времени, не нарушая магических чар всепоглощающего одиночества.

Справа и слева, насколько хватало глаз, тянулись цепи крутых и, судя по всему, неприступных гор. И они тоже, по крайней мере в этот час дня, казались желтыми и выжженными.

Джованни Дрого произвольно остановил коня. Медленно скользя взглядом по мрачным стенам, он никак не мог сообразить, что они ему напоминают. В голову лезли мысли о тюрьме или о каком-то заброшенном королевском замке. Легкий ветерок пошевелил над фортом поникший и сливавшийся с флагштоком флаг. Послышался отдаленный голос трубы. Часовые продолжали ходить своим размеренным шагом. На плацу перед входом три или четыре человека (на расстоянии невозможно было различить, солдаты это или нет) грузили на телегу мешки. Но все вокруг пребывало в каком-то странном оцепенении.

Капитан Ортиц тоже остановился и посмотрел на Крепость.

– Вот она, – непонятно зачем пояснил он.

Дрого подумал: сейчас он спросит, как она мне нравится, и от одной этой мысли ему стало не по себе. Но капитан промолчал.

Нет, крепость Бастиани с ее невысокими стенами не отличалась внушительностью, не было в ней ни красоты, ни живописности, которые придают таким сооружениям башни и бастионы, не было ничего, совершенно ничего, что могло бы скрасить эту наготу, порадовать глаз.

И все-таки Дрого, как и накануне, когда словно зачарованный смотрел на Крепость из глубины ущелья, почувствовал, как его сердце наполняется неизъяснимым восторгом. А что же там, дальше? За этим неприветливым строением, за этими зубцами, казематами, пороховыми погребами, загораживающими обзор?

Какой мир откроется за ними? Как выглядит северное королевство, каменистая пустыня, которую никто и никогда не пересекал? На карте, смутно припоминал Дрого, по ту сторону границы тянулся обширный район с очень редкими обозначениями, но, может, с высоты Крепости все-таки удастся разглядеть какое-нибудь селение, луг, дом? Или там одна только безжизненная пустыня?

Он вдруг почувствовал свое одиночество, и весь армейский кураж – столь естественный прежде, когда казарменная жизнь текла без тягот и забот, когда у него был уютный дом, веселые, компанейские приятели и маленькие ночные приключения в садах, – внезапно слетел с него.

Крепость предстала перед ним как один из тех неведомых миров, о причастности к которым он никогда и не помышлял, но не потому, что к ним душа не лежала, просто они были бесконечно чужды ему и далеки от его привычной жизни. И этот мир обязывал к очень многому, не суля ничего, что выходило бы за рамки его прямолинейных законов.

Вернуться! Не переступив даже порога Крепости, вернуться на равнину, в свой город, к старым привычкам. Вот первое, о чем подумал Дрого: пускай подобная слабость постыдна для солдата, он даже был готов, если нужно, открыто в ней признаться, лишь бы ему разрешили поскорее уехать.

С севера надвигался плотный белый туман, закрывая горизонт и наплывая на эскарпы, а под стоящим в зените солнцем невозмутимо, словно автоматы, отмеривали свои шаги часовые. Конь Дрого заржал. И вновь воцарилась великая тишина.

Наконец Джованни оторвал взгляд от Крепости и покосился на капитана, надеясь услышать от него ободряющие слова. Ортиц тоже стоял неподвижно и пристально разглядывал желтые стены. Он, проживший здесь восемнадцать лет, смотрел на них так, словно ему явилось чудо. Казалось, капитану никогда не надоест любоваться ими, и улыбка – радостная и в то же время грустная – тихо светилась на его лице.

Глава III

Сразу же по прибытии Дрого явился к старшему адъютанту майору Матти. Лейтенант караульной службы – приветливый и разбитной молодой человек по имени Карло Морель – взялся проводить его по центральной части Крепости. Через подворотню в глубине большого пустынного двора они попали в широкий и бесконечно длинный коридор. Потолок его тонул в полумраке, кое-где прорезаемом тонкими полосками света из узеньких окошек.

Только на втором этаже им попался навстречу какой-то солдат с пачкой бумаг. Голые стены, сырость, тишина, тусклый свет – казалось, все здесь давно забыли, что где-то в мире еще растут цветы, смеются женщины, гостеприимно распахивают свои двери дома. Все в этой Крепости было проникнуто духом самоотречения, но во имя чего, ради какого такого блага?

Они уже поднялись на третий этаж и шли по коридору, который был точной копией того, нижнего. Иногда откуда-то из-за стен до них долетал приглушенный расстоянием смех, звучавший здесь как-то неправдоподобно.

Майор Матти оказался толстяком с преувеличенно радушной улыбкой. Он сидел в просторном кабинете за большим письменным столом с аккуратно разложенными на нем бумагами. На стене висели выполненный в масле портрет короля и сабля майора, для которой был вбит специальный колышек.

Дрого отдал честь, представился и, протянув свои документы, стал объяснять, что вовсе не просил назначения в Крепость (для себя он уже решил, что при первой же возможности переведется в другое место), но Матти перебил его:

– А я ведь знал вашего отца, лейтенант. Благороднейший был человек. Уверен, вы окажетесь достойны его памяти. Если не ошибаюсь, он был председателем Верховного суда?

– Нет, господин майор, – ответил Дрого, – мой отец был врачом.

– Ах да, черт возьми, я все спутал, конечно же врачом, конечно.

Матти на какое-то мгновение смешался, а Дрого успел заметить, что он все время подносит левую руку к воротничку, пытаясь прикрыть круглое жирное и явно свежее пятно на груди. Но майор быстро овладел собой.

– Рад видеть вас здесь, – продолжал он. – Знаете, что сказал Его величество Пьетро Третий? «Крепость Бастиани – оплот моей короны». А я могу добавить, что служить в этой Крепости – большая честь. Надеюсь, вы разделяете мое мнение, лейтенант?

Все это он произносил явно по привычке, как давным-давно затверженный урок, который время от времени приходится повторять.

– Так точно, господин майор, – сказал Джованни, – вы совершенно правы, но, должен признаться, для меня все это несколько неожиданно. В городе я оставил семью и, если возможно, предпочел бы...

– О, да вы, не успев приехать, уже хотите нас покинуть. Так, что ли? Признаюсь, меня это огорчает, весьма огорчает.

– Дело не в моих желаниях. Я не смею обсуждать... я хотел только...

– Все ясно, – произнес майор со вздохом, как бы давая понять, что такие речи для него не новы и он даже готов войти в положение... – Все ясно: вы иначе представляли себе Крепость и сейчас немного обескуражены. Но скажите честно: как вы можете судить о ней, если прибыли всего несколько минут назад? Только честно...

– Господин майор, – ответил Дрого, – я ничего не имею против Крепости... Совершенно ничего. Но я предпочел бы служить в городе или хотя бы поближе к нему. Поймите меня. Я с вами вполне откровенен и рассчитываю на вашу помощь...

– Ну конечно, конечно! – воскликнул Матти, хохотнув. – Для того нас сюда и поставили! Силком мы никого не держим, даже часовых. Просто мне жаль, по-моему, вы хороший парень...

Майор минутку помолчал, словно подыскивая выход. И в это время Дрого, слегка повернув голову налево, посмотрел в окно, выходившее во внутренний двор, и увидел противоположную стену, такую же, как и остальные, желтоватую, залитую солнцем, с немногочисленными черными прямоугольниками окон. И еще часы, показывавшие два пополудни, часового, с винтовкой на плече прохаживающегося взад-вперед по стене, а над зданием, вдали, в жарком дневном мареве – скалистую гору. Была видна только ее вершина, сама по себе не представлявшая ничего особенного. И все же этот скалистый пик стал для Джованни Дрого первой видимой интригующей приметой легендарного северного государства, которое угрожало Крепости. А что же там, дальше? Какой-то тусклый свет, пробиваясь сквозь тягучую дымку, шел оттуда. Тут майор вновь заговорил:

– Скажите, вы непременно хотите уехать отсюда тотчас же или, может, подождете несколько месяцев? Нам, повторяю, все равно... с формальной точки зрения, разумеется, – добавил он, чтобы слова его не прозвучали совсем уж невежливо.

– Ну, раз я могу уехать, – ответил Джованни, приятно удивленный отсутствием каких-либо препон, – раз я могу уехать, то, пожалуй, лучше это сделать сразу.

– Будь по-вашему, – успокоил его майор. – Но тогда, если уж вы решили уехать тотчас, вам лучше сказать больным. Ляжете в изолятор, понаблюдаетесь там пару дней и получите справку от врача. Многие ведь не выдерживают высокогорного климата...

– Неужели обязательно притворяться больным? – спросил Дрого, не любивший всяких махинаций.

– Обязательно? Нет! Но это значительно все упростит. В противном случае вам следует подать рапорт с просьбой о переводе, рапорт этот надо будет переслать Верховному командованию, потом ждать, когда Верховное командование даст ответ, в общем, на это уйдет не меньше двух недель. Но, главное, в дело придется вмешаться господину полковнику, а вот этого я бы как раз хотел избежать. Такие вещи ему не по душе, он очень переживает, да-да, именно переживает, воспринимая все это как оскорбление своей Крепости. Так вот, на вашем месте – говорю вам со всей откровенностью – я бы постарался избежать...

– Простите, господин майор, – ответил Дрого, – я же не знал... Если мой отъезд может мне повредить, тогда другое дело.

– Ни в коем случае, лейтенант. Вы меня не поняли. Ваша карьера никак от этого не пострадает. Тут... как бы получше объяснить... этаким нюанс, что ли... Конечно, как я вам уже сказал, господину полковнику подобная история не доставит удовольствия. Но если вы твердо решили...

– Нет-нет, – откликнулся Дрого, – если все обстоит так, как вы сказали, то лучше уж мне получить медицинскую справку.

– Если только... – Матти вкрадчиво улыбнулся и не закончил фразу.

– Что?..

– Если только вы не согласитесь остаться здесь на четыре месяца, что было бы самым лучшим выходом из положения.

– На четыре месяца? – переспросил Дрого, несколько разочарованный: ведь перед ним уже открывалась перспектива близкого отъезда.

– Четыре месяца, – подтвердил Матти. – Тогда вся процедура значительно упростится. Понимаете, у нас дважды в году все проходят медицинское освидетельствование. Это предписывается уставом. Очередное будет через четыре месяца. Для вас, по-моему, это самый лучший вариант. А уж о том, чтобы комиссия признала вас негодным к службе в наших условиях, позвольте позаботиться мне. Вы можете быть абсолютно спокойны. Кроме того, – продолжал

он после небольшой паузы, – четыре месяца – это четыре месяца, их вполне достаточно для выдачи характеристики. Не сомневаюсь, что господин полковник вам ее даст. Сами знаете, какое значение имеет для вашей карьеры отзыв с первого места службы. Но давайте условимся, чтобы не было недоразумений: это всего лишь мой совет, а уж вы вольны решать...

– Да, господин майор, – ответил Дрого. – Я очень хорошо вас понял.

– Жизнь у нас нетяжелая, – произнес майор с нажимом, – главное наше дело – нести караульную службу. А новый редут, где ответственности побольше, вам, как новичку, конечно, не доверят.

Ничего трудного, можете не беспокоиться. Вот разве что скучновато вам покажется...

Но Дрого уже почти не слушал: его внимание почему-то приковывали прямоугольник окна и видневшийся над противоположной стеной Крепости скалистый пик. Какое-то странное, безотчетное чувство закралось в душу Джованни, этакий, возможно, даже глупый, абсурдный, не имеющий под собой никакой почвы интерес.

И в то же время он как будто немного успокоился. Ему все еще хотелось уехать отсюда, но не так страстно, как раньше. Он уже чуть ли не стыдился отчаяния, охватившего его в первый момент. Что же он, хуже других? Немедленный отъезд, думал он теперь, выглядел бы как признание собственной неполноценности. Так самолюбие боролось в нем с тягой к привычной домашней жизни.

– Господин майор, – сказал Дрого. – Я благодарен вам за советы, но позвольте мне подумать до завтра.

– Вот и отлично! – откликнулся Матти, не скрывая своего удовлетворения.

– А как быть сегодня вечером? Хотите, чтобы вас представили полковнику за столом или предпочитаете оставить вопрос открытым?

– Ну что ж, – ответил Джованни, – я полагаю, прятаться бессмысленно, особенно если я все же решу задержаться на четыре месяца.

– Пожалуй, вы правы, – сказал майор. – Так вы будете чувствовать себя увереннее. Вот увидите, какой у нас славный народ, а офицеры... настоящая гвардия.

Матти улыбнулся, и Дрого понял, что пора уходить, но он все же спросил, стараясь говорить как можно спокойнее:

– Господин майор, можно мне взглянуть на север? Хочется посмотреть, что там, за стенами.

– За стенами? – удивился майор. – Вас что, привлекают красоты местности?

– Один только взгляд, господин майор, просто из любопытства. Говорят, там пустыня, а я еще никогда не видел пустынь.

– Она не стоит вашего внимания, лейтенант. Однообразный пейзаж, совершенно ничего интересного. Напрасная трата времени, уверяю вас.

– Я не настаиваю, господин майор, – ответил Дрого. – Я не знал, что это сопряжено с какими-то трудностями.

Майор Матти почти что молитвенно сложил свои пухлые пальцы.

– Пожалуй, это, – сказал он, – единственная вещь, которую я не могу вам позволить. На стены и в караульные посты допускаются только лица, несущие службу: нужно знать пароль.

– И никаких исключений даже для офицера?

– Даже для офицера. Ах, я-то вас понимаю: вам, городским, подобные мелочи кажутся смешными. И пароль там у вас не такая уж великая тайна. А здесь дело другое.

– Простите мою назойливость, господин майор...

– Слушаю, слушаю вас, лейтенант.

– Я хотел спросить, неужели здесь нет никакой амбразуры, никакого окна, откуда бы я мог взглянуть...

– Есть одно. И то в кабинете господина полковника. Увы, никто не позаботился о бельведере для любопытствующих. Да и не стоит она того, эта панорама, ничего примечательного в ней нет. Если вы решите здесь остаться, она вам еще надоест.

– Спасибо, господин майор. Какие будут распоряжения? – спросил Дрого, вытягиваясь в струнку.

Матти дружески махнул рукой.

– До свидания, лейтенант. И выкиньте это из головы. Банальнейший, ничем не примечательный пейзаж, поверьте на слово.

Но в тот же вечер лейтенант Морель, сдав дежурство по охране, тайком отвел Дрого на стену.

Длинный коридор, освещенный редкими фонарями, тянулся вдоль всех стен – от одного конца перевала до другого. Время от времени на пути попадались двери: склады, мастерские, караулки. До третьего редута пришлось пройти метров сто пятьдесят, не меньше. У дверей стоял вооруженный часовой. Морель попросил вызвать начальника караула лейтенанта Гротту.

Так, в нарушение устава, они выбрались на стену. Сначала Джованни оказался в тесном проходе, где под фонарем висел список караульных.

– Ну идем же! – окликнул его Морель. – Не дай бог, кто нагрянет.

Дрого последовал за ним по узкой лесенке, которая вела наверх, на открытый воздух, на эскарп. Охранявшему этот участок часовому Морель сделал знак, как бы говоря, что формальности тут ни к чему-у.

Вдруг перед Джованни выросли зубцы наружной стены, а за ними, вся в закатном зареве, простерлась равнина, открыв наконец взгляду таинственный север.

Дрого даже слегка побледнел, в оцепенении созерцая эту картину.

Ближайший к нему часовой тоже застыл неподвижно, а на крылах сумерек опустилась, окутала все вокруг великая тишина. Не в силах отвести взгляд, Дрого спросил:

– А дальше? Что там, за этими скалами? Все вот так – до самого конца?

– Никогда не видел, – ответил Морель. – Для этого нужно побывать на Новом редуте, вон на той вершине. Оттуда просматривается вся равнина. Говорят...

Морель осекся.

– Что говорят? – спросил Дрого, и голос его дрогнул, выдавая какое-то странное волнение.

– Говорят, там сплошные камни, что-то вроде пустыни... И камни эти, говорят, белые, будто снег.

– Сплошные камни? И все?

– Так говорят. А кое-где еще и болота.

– Но там, вдалеке, на самом севере, можно все-таки что-нибудь разглядеть?

– Горизонт обычно в тумане, – сказал Морель, почему-то растерявший всю свою приветливость и бесшабашность. – Из-за этих северных туманов ничего не видно.

– Туманы! – воскликнул Дрого. – Но не всегда же они там, бывают же, наверно, и ясные дни.

– Почти не бывает – даже зимой. Но некоторые утверждают, будто видели...

– Видели? Что?

– Да пригрезилось им все, пригрезилось: разве можно верить солдатам? Один говорит одно, другой – другое. Кто уверяет, что видел белые башни, а кто говорит, будто разглядел курящийся вулкан – оттуда, мол, и туманы. Сам Ортиц, наш капитан, утверждает, что он видел... лет пять назад... Если верить ему, так там есть какое-то продолговатое черное пятно – леса, должно быть.

Они помолчали. Где же Дрого мог все это видеть? Может, во сне?

Или нарисовал в воображении, прочитав какую-нибудь старую сказку?

Казалось, он узнал эти рассыпающиеся невысокие скалы, извилистую долину без всякой растительности, без единого зеленого пятнышка, ломаные линии обрывов и, наконец, этот треугольник безлюдной пустыни, просматривающийся между торчащими впереди скалистыми выступами гор. Все, что он видел, рождало непонятный отзвук в самой глубине его души, но разобраться в своих чувствах он не мог.

Дрого разглядывал сейчас уголок северного мира, мертвую равнину, которую, как считают, никогда никто не пересекал. Никогда с той стороны не подходили враги, никогда там не было никаких сражений, никогда ничего не случилось.

– Ну как? – спросил Морель, стараясь, чтобы голос его звучал бодро. – Ну как? Нравится?

– Да-а-а!.. – только и смог вымолвить Дрого. Какие-то неясные желания бушевали у него в груди, смешиваясь с безотчетным страхом.

Откуда-то до них донесся короткий сигнал трубы.

– Теперь тебе лучше уйти, – посоветовал Морель.

Но, погруженный в себя и упорно пытающийся что-то вспомнить, Джованни будто и не слышал его. Закат постепенно угасал, ветер, пробужденный теньями, оведал кубические строения Крепости. Часовой, чтобы согреться, стал вновь вышагивать взад-вперед, то и дело поглядывая на незнакомого ему Джованни Дрого.

– Теперь тебе лучше уйти, – повторил Морель, беря товарища под руку.

Глава IV

Дрого не боялся оставаться один: как-то, еще ребенком, он заблудился за городом, случилось ему бродить и по ночным улицам – этому царству преступности. Или взять хоть вчерашний вечер, когда ему пришлось заночевать на дороге... Но сейчас было совсем не то, сейчас, когда улеглось возбуждение от долгого путешествия и его новые товарищи уже спали, он, грустный и растерянный, сидел при свете лампы у себя в комнате на краю постели: вот когда он по-настоящему понял, что такое одиночество. (Комната была, в общем, неплохая, с обшитыми деревом стенами, большой кроватью, громоздким диваном и шкафом.) Встретили Джованни радушно, за столом распили в его честь бутылочку, но потом и думать о нем забыли (над кроватью висело деревянное распятие, на противоположной стене – старинная гравюра с длинной эпитафией, начало которой гласило: «Humanissimi Viri Francisci Angloisi virtutibus»¹). За всю ночь никто не придет его проводить, во всей Крепости никто о нем и не вспомнит. Да какое там в Крепости – в целом свете, наверно, не найдется живой души, которой есть дело до него, Джованни Дрого; каждый едва успевает о себе позаботиться; даже мама, да, возможно, даже она в эту минуту думает о другом – ведь он у нее не один. О Джованни она вспоминала весь день, теперь надо уделить немного внимания и остальным. И это более чем справедливо, признавал Дрого без тени обиды, но ведь именно он, а не кто-то другой сидит сейчас в Крепости на краю кровати (теперь он заметил еще, что на деревянной обшивке стены тщательно вырезана в натуральную величину и раскрашена, ну прямо как настоящая, сабля – этакий плод кропотливого труда какого-нибудь офицера, жившего здесь бог знает сколько лет тому назад), да, сидит на краю кровати, склонив голову, ссутулившись, тупо и бессмысленно глядя по сторонам, и чувствует себя как никогда одиноким.

Наконец, сделав над собой усилие, Дрого поднялся, открыл окно, выглянул наружу. Окно выходило во двор, и ничего, кроме двора, не было видно. Поскольку оно было обращено на юг, Джованни попытался разглядеть в темноте горы, которые ему пришлось преодолевать по пути в Крепость; частично скрытые противоположной стеной, они казались ниже.

Свет горел только в трех окнах, но все они находились на одном фасаде, и заглянуть в них было невозможно. Свет из них так же, как и из его окна, падал на противоположную стену огромными вытянутыми прямоугольниками, в одном из которых двигалась тень: наверно, какой-нибудь офицер готовился ко сну.

Дрого закрыл окно, разделся, лег в постель и несколько минут предавался размышлениям, глядя в потолок, тоже обшитый деревом. Он забыл взять с собой что-нибудь почитать, но в этот вечер можно было обойтись и без чтения – очень уж хотелось спать. Дрого погасил лампу.

Постепенно в темноте стал проступать светлый прямоугольник окна, и он увидел мерцание звезд.

Навалившееся на него оцепенение, казалось, уже граничит со сном.

Только слишком уж отчетливо он это сознавал. Сумбурные, похожие на сновидение картины поплыли у него перед глазами и начали даже складываться в какую-то историю, но через несколько мгновений он заметил, что все еще бодрствует.

И вообще спать расхотелось – так поразила его всеобъемлющая тишина. Далеко-далеко – уж не почудилось ли ему? – кто-то кашлянул.

Потом рядом раздалось слабое хлопанье воды, отраженное стенами.

Маленькая зеленоватая звезда (он видел ее, не поднимая головы) в своем ночном движении уже добралась до верхнего угла окна: скоро она исчезнет. И действительно, сверкнув

¹ Добродетелям достославного мужа Франциска Англоизия (*лат.*).

искрой у самого края темной рамы, звезда пропала. Дрого захотелось еще немного проследить за ней взглядом, и он вытянул шею. В этот момент опять послышалось «хлюп» – такой звук издает шлепающийся в воду предмет. Интересно, повторится он еще? Дрого напряг слух и стал ждать: не раздастся ли еще этот звук, наводящий на мысли о подземельях, трясине, заброшенных домах. Время замерло, абсолютная тишина, казалось, окончательно завладела Крепостью. И снова в мозгу зароились бессвязные картины прежней далекой жизни.

«Хлюп!» Опять этот противный звук. Дрого сел. Выходит, он регулярно повторяется; последнее хлюпанье было не слабее прежних, следовательно, рассчитывать на то, что его невидимый источник иссякнет, не приходилось. Разве тут уснешь? Дрого вспомнил, что рядом с кроватью висит шнурок – может, это колокольчик? Он потянул за него, шнурок поддался, и где-то в лабиринтах здания послышалось едва различимое короткое треньканье. Какая глупость, опомнился Дрого, тревожить людей из-за чепухи. Впрочем, вряд ли кто придет.

Однако довольно скоро в коридоре прозвучали приближающиеся шаги, и наконец кто-то постучал в дверь.

– Войдите! – сказал Дрого.

На пороге вырос солдат с фонарем в руке.

– Слушаю вас, господин лейтенант!

– Здесь невозможно спать, черт побери! – сдерживая ярость, воскликнул Джованни. – Что это за отвратительный звук? Может, подтекает какая-нибудь труба? Проверь и прекрати это безобразие.

Совершенно невозможно уснуть. Бывает, достаточно просто тряпку подложить.

– Это цистерна, – тотчас ответил солдат, словно знал заранее, о чем речь. – Это цистерна, господин лейтенант, ничего не поделаешь.

– Цистерна?

– Да, господин лейтенант, – пустился в объяснения солдат, – как раз за этой стенкой находится цистерна с водой. Все жалуются, но ничем тут помочь нельзя. Не только у вас слышно. И господин капитан Фонцазо иногда ругается, да только ничего не поделаешь.

– Ладно, тогда ступай! – сказал Дрого.

Дверь закрылась, шаги стихли, и вновь разлилась тишина; по-прежнему в окне блестели звезды. Теперь Джованни думал о часовых, ходивших в нескольких метрах от него, словно заведенные, туда-сюда, без перерыва. Десятки людей бодрствуют, а он лежит в постели, считая, что все вокруг погружено в сон. Да, десятки, думал Дрого, но кому это нужно и для чего? Военный формализм в Крепости доведен, похоже, до абсурдного совершенства. Сотни людей охраняют перевал, через который никто не собирается переходить! Уехать отсюда, уехать как можно скорее, думал Джованни, выбраться на свежий воздух, подальше от этого странного места. О милый родной дом! Мама сейчас, конечно, уже спит, свет всюду погашен. А вдруг именно в эту минуту она вспомнила о нем? Очень даже вероятно, он хорошо ее знает: любая мелочь может так ее разволновать, что ночью она не находит себе покоя – все ворочается в постели.

Еще раз хлюпнула цистерна, еще одна звезда ушла за раму окна: свет ее продолжал достигать земли, эскарпов Крепости, беспокойных глаз часовых, но только не Джованни Дрого, который ждал сна и никак не мог уснуть от терзавших его недобрых мыслей.

А что, если все заверения Матти – просто-напросто комедия? Что, если его не отпустят отсюда и через четыре месяца? Можно ведь придумать массу предлогов, сослаться на здешние порядки и не разрешить ему вернуться в город. А если ему суждено прожить здесь долгие годы и вот в этой комнате, на этой холодной постели провести всю свою молодость? Какой абсурд, думал Дрого, сознавая, сколь нелепы его предположения, и все же не мог совсем отогнать тревожные мысли: они вновь и вновь овладевали им, усугубляемые одиночеством и темнотой.

Вдруг ему начинало казаться, что против него замышляются какие-то козни, цель которых – задержать его здесь. И зависит это, скорее всего, даже не от Матти. Ни ему, ни полковнику, ни кому-либо из прочих офицеров нет никакого дела до Дрого: останется он или уедет – им совершенно безразлично. И все же какая-то неведомая сила препятствует его возвращению в город; возможно, хотя сам он того не замечал, она гнездится в его собственной душе.

Потом Джованни увидел какой-то портик, коня на белой дороге, ему почудилось, что кто-то зовет его по имени, и он погрузился в сон.

Глава V

На следующий вечер Джованни Дрого впервые принял дежурство на третьем редуте. В шесть часов вечера во дворе были построены семь караульных отрядов: три для форта, четыре для фланговых редутов.

Восьмой отряд, предназначенный для Нового редута, выступил раньше: дорога туда занимала довольно много времени.

Ветеран Крепости старший сержант Тронк повел на третий редут двадцать восемь человек, с горнистом – двадцать девять. Все они были из второй роты капитана Ортица, куда получил назначение и Джованни.

Дрого принял командование караулом и вынул из ножен шпагу. Семь заступающих в караул отрядов были выстроены перпендикулярно к зданию форта, а комендант Крепости, полковник, наблюдал на ними из окна – такая здесь была традиция. На желтой утрамбованной земле двора образовался красивый черный рисунок.

Очищенное ветром небо над Крепостью сияло, а последние солнечные лучи рассекали наискосок ее стены. Стоял сентябрьский вечер. Заместитель коменданта подполковник Николози, опираясь на шпагу и прихрамывая – старая рана, – вышел из дверей комендатуры.

В тот день поверяющим был здоровенный капитан Монти. Он прокричал своим хриплым голосом команду, и солдаты, сделав одновременный выпад, с громким бряцанием вскинули оружие для проверки. После чего наступила полная тишина.

И тут трубачи семи караульных отрядов один за другим проиграли соответствующий сигнал. Пели знаменитые серебряные трубы крепости Бастиани, украшенные шелковыми красно-золотыми шнурами и большими гербами. Их чистый голос взмыл в небо, и неподвижный частокл штыков откликнулся на него звуком, отдаленно напоминавшим звон колокола. Солдаты замерли как изваяния, лица их были по-военному суровы. Нет, они явно готовились не к будничной караульной службе: с таким геройским блеском в глазах можно ждать только встречи с неприятелем.

Последняя нота долго висела в воздухе, отраженная дальними стенами. Штыки, еще мгновение назад блестящие на фоне бездонного неба, одновременно погасли, потонув в шеренгах солдат. Полковника в окне уже не было. Все семь отрядов, печата шаг, направились по лабиринтам Крепости в разные стороны – каждый к своей стене.

Через час Джованни Дрого был на верхней площадке третьего редута, в том самом месте, откуда он накануне вечером смотрел на север. Вчера его, словно случайного путешественника, привело сюда любопытство, теперь же он здесь хозяин: в ближайшие двадцать четыре часа весь редут и сто метров стены будут подвластны ему одному. Под ним, в капонире, четверо артиллеристов дежурили у двух пушек, нацеленных в глубь долины; трое часовых заняли свой пост на внешней площадке редута; еще четверо расположились через каждые двадцать пять метров на правом крыле главной стены.

Смена караула была произведена в высшей степени четко под надзором старшего сержанта Тронка – большого специалиста по уставу и строевой подготовке. Тронк служил в Крепости двадцать два года и теперь не покидал ее даже на время отпуска. Никто лучше его не знал каждого уголка крепостных сооружений, и нередко офицеры видели, как он обходит дозором Крепость по ночам в абсолютной темноте, даже без фонарика. Часовые в его дежурство ни на минуту не выпускали из рук винтовок, не прислонялись к стенам и старались даже не останавливаться, ибо по уставу остановки разрешались лишь в исключительных случаях; ночи напролет Тронк не спал и бесшумно обходил сторожевые посты, заставляя часовых вздрагивать от неожиданности. «Стоять, кто идет?» – окликали они его, вскидывая винтовки. «Грот», – произносил пароль старший сержант. «Грегорио», – откликался часовой.

Вообще-то офицеры и унтеры, несшие караульную службу, проверяли свои участки крепостной стены, не соблюдая особых формальностей; солдаты хорошо знали их в лицо, и всякие пароли и отзывы казались им нелепыми. Только с Тронком солдаты соблюдали все уставные тонкости.

Тронк, маленький и щедедушный, со старческим личиком и бритой головой, редко вступал в разговоры и все свободное время, уединившись, посвящал музыке. Музыка была его страстью, а капельмейстер сержант Эспина, пожалуй, единственным его другом. У Тронка был прекрасный аккордеон, но он почти никогда к нему не прикасался, хотя все знали, что играет он превосходно. Тронк изучал гармонию и, если верить слухам, сочинил несколько военных маршей. Однако за точность этих слухов никто бы не поручился.

В часы отдыха Тронк частенько насвистывал, но на дежурстве никогда себе этого не позволял. Большей частью он ходил вдоль зубчатых стен, пристально глядя на север, на равнину, будто ища что-то глазами. Сейчас он стоял рядом с Дрого и указывал ему на выючную тропу, которая вела к Новому Редуту, петляя по отвесным склонам гор.

– Вон идет сменный караул, – сказал Тронк, ткнув куда-то указательным пальцем.

Но в неверном свете сумерек Дрого ничего не смог разглядеть.

Старший сержант покачал головой.

– Что такое? – спросил Дрого.

– Непорядок, службу так не несут. Я всегда говорил. Идиотство какое-то, – ответил Тронк.

– Да что случилось?

– Службу так не несут, – повторил Тронк. – Смену караула на Новом Редуте нужно производить раньше. Но это неуютно господину полковнику.

Джованни удивленно посмотрел на него: неужто у Тронка хватает смелости осуждать самого коменданта?

– Господин полковник, – продолжал старший сержант очень серьезно и убежденно, нисколько не смущаясь противоречивостью своих слов, – в общем-то совершенно прав. Но ведь никто не предупредил его об опасности.

– Об опасности? – удивился Дрого.

Какая опасность могла подстерегать тех, кто направлялся из Крепости в Новый Редут по удобной тропе и в таком пустынном месте?

– Да, об опасности, – подтвердил Тронк. – Рано или поздно в такой темноте что-нибудь случится.

– А что же делать? – спросил Дрого больше из вежливости: все эти рассуждения мало его занимали.

– В прежние времена, – сказал старший сержант, обрадовавшись возможности продемонстрировать свою компетентность, – в прежние времена караул на Новом редуте сменялся на два часа раньше, чем в Крепости. И всегда при дневном свете, даже зимой. С паролями тоже все было проще. Достаточно было знать пароль, чтобы войти в Редут, и новый пароль – для дежурства и возвращения в Крепость. Двух паролей хватало. Когда сменившийся караул возвращался в Крепость, здешний караул на дежурство еще не успевал заступить, и пароль оставался прежним.

– Ну да, понятно, – сказал Дрого, не особенно вдумываясь в его слова.

– Но потом, – продолжал Тронк, – здесь чего-то испугались. Неблагоразумно, мол, держать за стенами Крепости столько солдат, знающих пароль. Говорили: наперед не угадаешь, кто-нибудь из пятидесяти солдат скорее может оказаться изменником, чем единственный офицер.

– Ну да, – согласился Дрого.

– И тогда они решили: пусть пароль будет известен только командиру. И потому караул теперь выходит из Крепости за сорок пять минут до смены. Взять, к примеру, сегодняшний день. Общая смена караула произведена в шесть часов. Наряд часовых для Нового редута вышел отсюда в пять пятнадцать и прибыл на место ровно в шесть.

Чтобы выйти из Крепости, пароля не нужно, потому что отряд формируется здесь, а чтобы войти в Новый редут, достаточно знать вчерашний пароль, который известен только офицеру. После смены караула на Редуте вступает в силу новый пароль – его тоже знает только офицер. Так проходят сутки – пока не прибудет новый наряд. А на следующий вечер, когда солдаты возвращаются (они могут прибыть сюда и в шесть тридцать, так как обратно идти легче), пароль в Крепости уже изменился. Таким образом, нужен третий пароль. Офицер должен знать их все три: один для прохода в Редут, второй на время несения караула, третий – для возвращения в Крепость. Сколько сложностей только для того, чтобы солдаты, находящиеся в пути, пароля не знали.

– Вот я и говорю, – продолжал Тронк, не заботясь о том, слушает ли его Дрого, – если пароль известен только офицеру, а ему, предположим, по пути стало худо, что прикажете делать солдатам? Не могут же они заставить его говорить? И вернуться туда, откуда они вышли, тоже не могут, потому что за это время пароль переменится и там. Об этом кто-нибудь подумал? А те, кто настаивают на секретности? Разве они не понимают, что теперь введено три пароля вместо двух и этот третий, необходимый для возвращения в Крепость, устанавливается раньше чем за сутки? Что бы ни случилось, они обязаны его сохранить в тайне, иначе караульный отряд не сможет вернуться в Крепость.

– Но их же узнают у ворот, – возразил Дрого, – не так ли? Разве там не увидят, что это возвращается караул, сдавший дежурство?

Тронк поглядел на лейтенанта с чувством некоторого превосходства.

– Это невозможно, господин лейтенант, – сказал он. – В Крепости свои законы. С северной стороны без пароля сюда никто не может пройти. Кем бы он ни был.

– В таком случае, – заметил Дрого, возмущенный столь бессмысленными формальностями, – в таком случае не проще ли придумать для Нового Редута особый пароль? Смену караула производить раньше, а пароль, необходимый для возвращения в Крепость, сообщать только офицеру. Солдаты же пусть ничего не знают.

– Разумеется! – торжествующе воскликнул старший сержант, словно только и ждал подобного возражения. – Такой выход действительно был бы самым лучшим. Но тогда пришлось бы менять устав, выработать новую инструкцию. Устав же гласит: «Пароль сохраняет силу на протяжении двадцати четырех часов – с момента выхода отряда на дежурство и до момента его сдачи; один и тот же пароль сохраняет силу как в Крепости, так и в ее подразделениях», – назидательным тоном отчеканил он. – Так прямо и записано: «в подразделениях». Коротко и ясно. Всякие подтасовки исключаются.

– Ну а до этого, – спросил Дрого, поначалу слушавший не очень внимательно, – до этого смена караула в Новом Редуте тоже ведь производилась раньше?

– Конечно! – воскликнул Тронк и тут же сам себя поправил: – Так точно, господин лейтенант. Всего два года, как началась эта история. Прежде было много лучше.

Старший сержант замолчал; Дрого смотрел на него с испугом. Что осталось от этого человека после двадцати двух лет службы в Крепости?

Помнит ли Тронк, что где-то в мире еще существуют миллионы людей – таких же, как он, но не носящих военную форму? Они свободно гуляют по городу, а вечерами сами решают, лечь ли им спать или пойти в остерию или в театр. Нет, одного взгляда на Тронка было достаточно, чтобы понять: о существовании других людей он позабыл, вся его жизнь – это только Крепость с ее отвратительными порядками. Тронк уже не помнил, как нежно звучат голоса девушек, как выглядят сады, реки, деревья, если не считать тех жалких кустиков, что росли возле Крепости.

Да, Тронк, как и Дрого, смотрел на север, но совсем иными глазами: он всматривался в тропу, ведущую к Новому Редуту, и в ров, и в контрэскарп, прощупывал взглядом возможные подступы к Крепости, и что ему было до диких скал, до треугольника таинственной равнины и до белых облаков, плывущих теперь уже почти по ночному небу?

С наступлением темноты лейтенантом вновь овладело желание бежать отсюда. И почему я не уехал сразу? – корил он себя. Почему поддался коварной дипломатии майора? А теперь вот придется ждать, когда истекут четыре месяца – сто двадцать бесконечно длинных дней, половину которых он проведет в карауле на крепостных стенах. Ему казалось, что он очутился среди людей какой-то совершенно другой породы, на чужой земле, в жестоком и враждебном ему мире. Блуждающий взгляд его вновь наткнулся на Тронка: тот, замерев, наблюдал за часowymi.

Глава VI

Стало совсем темно. Дрого устроился в пустом помещении редута и велел принести себе бумагу, чернила и ручку.

«Дорогая мама», – вывел он и сразу же почувствовал себя, мальчишкой. Никто его не видел, он сидел при свете фонаря один в самом сердце незнакомой ему Крепости, вдали от дома, от милых привычных вещей и утешал себя мыслью, что может наконец открыться, излить все, что у него на душе.

Конечно, с другими, со своими коллегами-офицерами он должен вести себя как настоящий мужчина, смеяться вместе с ними, рассказывать смелые анекдоты о генералах и женщинах. Кому, как не маме, может он открыть правду? А правда Дрого в этот вечер не была правдой бравого вояки и, очевидно, не отвечала суровым нравам Крепости: здесь все только посмеялись бы над ним. Правдой была усталость от дальней дороги, гнет мрачных стен, ощущение полного одиночества.

«Два дня, проведенные в пути, совсем измотали меня, – вот что хотел бы он написать, – а по прибытии я узнал, что при желании могу вернуться в город. Крепость – место унылое, поблизости нет никаких селений, никаких развлечений, в общем, ничего веселого». Вот что хотел бы он написать.

Но тут Дрого представил себе маму: в эту минуту она, должно быть, думает именно о нем и тешит себя мыслью, что сыну ее сейчас хорошо в кругу добрых друзей, а может – как знать? – и подруг. Конечно же, она надеется, что он доволен жизнью и спокоен.

«Дорогая мама, – выводила его рука. – Я прибыл к месту назначения позавчера, проделав интереснейшее путешествие. Крепость – это нечто грандиозное...» О, если бы он мог описать ей все убожество здешней обстановки, витающий в Крепости дух наказания и ссылки, этих чужих ему и каких-то нелепых людей. А он писал: «Офицеры приняли меня очень сердечно. И старший адъютант был со мной весьма любезен и предоставил мне полную свободу выбора: остаться здесь или вернуться в город. И все же...»

Может, как раз в этот момент мама ходит по его опустевшей комнате, открывает какой-нибудь ящик, аккуратно перекладывает его старую одежду, приводит в порядок книги, письменный стол; она проделывала это уже столько раз, но ей кажется, что так ощутимей присутствие сына, словно он, как обычно, должен вернуться домой к ужину. Ему мерещился привычный звук маминых частых беспокойных шагов, выдававших ее вечные заботы о ком-нибудь. Разве достанет ему смелости огорчить ее? Если бы Джованни был дома, в той же комнате, под семейным абажуром, вот тогда он действительно рассказал бы ей обо всем, и мама просто не успела бы огорчиться, потому что он сидел бы рядом и все плохое уже осталось бы позади. Но вот так, вдали от нее, взять все и написать!.. Если бы они сидели рядышком перед камином в тишине надежного старого дома – о, тогда конечно, тогда он рассказал бы ей о майоре Матти, о его коварных посулах и о причудах Тронка! Он рассказал бы ей, как по глупости принял предложение остаться здесь на четыре месяца, и они вместе, наверно, посмеялись бы над его оплошностью. Но как это сделать, находясь от нее вдали?

«И все же, – продолжал писать Дрого, – я счел за лучшее для себя, да и для своей карьеры остаться на какое-то время в Крепости... К тому же народ здесь очень симпатичный, служба простая, неустрашающая». А его комната? Бульканье воды за стеной? Встреча с капитаном Ортицом?

Безжизненная северная земля? Не станет же он описывать железный устав, редут, убогое караульное помещение, где он сейчас сидит! Нет, даже с мамой не может он быть откровенным, даже ей нельзя признаться в смутных страхах, не дававших ему покоя.

Там, дома, в городе, часы не в лад и на разные голоса били сейчас десять вечера, и на их бой тоненьким дребезжанием откликалась стеклянная посуда на буфетных полках; из кухни доносились голоса и смех, а с противоположной стороны улицы – звуки фортепьяно. Через узенькое, похожее на бойницу окошко можно было вновь посмотреть на северную долину, на эту унылую землю; но сейчас к окошку подступила плотная темнота. Перо слегка поскрипывало. Вокруг царила ночь, между зубцами стены начал свистеть ветер, навевая какие-то тревожные думы, и хотя в редуте сгустилась темень и воздух был сырой и тяжелый, Дрого писал: «В общем, я очень доволен и чувствую себя хорошо».

С девяти вечера и до рассвета каждые полчаса звучал удар колокола в четвертом редуте на правом фланге перевала – там, где кончалась стена.

Сначала слышался удар маленького колокола, и тотчас часовой окликал ближайшего своего товарища, а тот – следующего, и так – до противоположного конца стены, от редута к редуту, через форт и далее в ночной темноте совершалась переключка. «Слушай! Слушай!» Часовые выкрикивали эти слова равнодушно, монотонно, каким-то неестественным голосом.

Не раздеваясь, Джованни Дрого прилег на койку; но и сквозь овладевающее им сонное оцепенение через определенные промежутки времени его ушей достигала эта далекая переключка: «Слу... лу... лу...»

Крик накатывал, становился все громче, проносясь над ним, набирал наибольшую силу и, постепенно замирая, удалялся по другой стене.

Спустя две минуты он возвращался, но уже как отклик, с первой башни слева. И опять через равные промежутки времени раздавалось: «Слу... лу... лу...» Лишь когда этот крик звучал прямо над головой, подхваченный часовыми его отряда, Дрого мог разобрать слово полностью. Но вскоре это «Слушай!» снова превращалось в какой-то протяжный стон, замиравший наконец там, где у самого подножия скал стоял последний часовой.

Джованни слышал, как этот крик четырежды прокатился с одного фланга на другой и четырежды возвратился по стене Крепости к исходной точке. На пятый раз до сознания Дрого дошел лишь слабый отзвук, от которого он слегка вздрогнул. И по-думал, что не пристало офицеру спать на дежурстве. Вообще-то устав допускал это при условии, что офицер не будет раздеваться, однако почти у всех лейтенантов Крепости особым шиком считалось не смыкать глаз всю ночь: они читали, курили сигары, иногда в нарушение инструкций навещали друг друга и играли в карты. Тронк, которого Джованни уже успел кое о чем расспросить, намекнул ему, что бодрствовать всю ночь стало в Крепости хорошей традицией.

Джованни Дрого растянулся на койке, стоявшей так, что до нее не достигал круг света от керосиновой лампы, и предался размышлениям о своей жизни, но совершенно неожиданно его сморил сон. А между тем именно в эту ночь – о, если б он только знал, ему бы, наверно, было не до сна! – именно в эту ночь для него начался поспешный и неумолимый отсчет времени.

До сих пор он пребывал в той поре безмятежной ранней юности, когда дорога, по которой шагаешь с детства, кажется бесконечной: годы текут медленно и легко, как-то незаметно. Шагаешь себе спокойно, с любопытством поглядывая по сторонам, и нет никакой надобности торопиться, никто тебе не наступает на пятки, никто не ждет; товарищи твои идут рядом так же бездумно, часто останавливаясь, чтобы пошутить, посмеяться. Взрослые с порога добродушно приветствуют тебя и с многозначительной улыбкой указывают куда-то на горизонт; и тут твое сердце начинает биться от сладостных мечтаний и предвкушения героических дел, ты уже предчувствуешь все то замечательное, что ждет тебя впереди; ничего пока еще не видно, нет, но ты уверен, ты абсолютно уверен, что придет время и все сбудется.

Долго ли еще идти? Нет, надо только через эту реку переправиться, вон она – внизу, и перевалить через те зеленые холмы. А может, мы уже на месте? Разве не к этим деревьям, не к этим лугам, не к этому белому дому мы стремились? На какое-то мгновение начинает казаться,

что да, так оно и есть и надо остановиться. А потом нам говорят, что лучшее – впереди, и мы снова беззаботно трогаемся в путь.

Так и идем себе, в доверчивом ожидании лучшего, а дни длинны и спокойны, высоко в небе сияет солнце и, похоже, не собирается клониться к закату.

Но в какой-то момент, почти инстинктивно, мы оглядываемся назад и видим, что ворота у нас за спиной прочно закрыты и обратного пути нет.

Вот тогда и замечаешь: что-то переменялось, солнце уже не кажется неподвижным, а быстро катится по небу: не успеешь полюбоваться на него, как оно, увы, уже стремительно приближается к горизонту; облака не плавают больше в лазурных заводях неба, а, торопливо наползая друг на друга, куда-то несутся; и тут начинаешь понимать, что время проходит и твоя дорога рано или поздно должна кончиться.

Да, наступает момент, когда у нас за спиной молниеносно захлопываются тяжелые ворота и их тотчас запирают – вернуться уже не успеешь. Но именно в этот момент Джованни Дрого спал сном праведника и улыбался во сне, как ребенок.

Пройдет немало дней, прежде чем Дрого осознает, что случилось.

Тогда для него наступит пробуждение. Он недоверчиво оглядится вокруг, услышит звук настигающих его шагов, увидит людей, которые проснулись раньше и торопятся его обогнать, чтобы первыми прийти к цели. Он услышит, как пульсирует время, скупо отмеривая дни его жизни. И увидит в окнах уже не смеющиеся, а застывшие и безучастные лица. И если он спросит, долго ли ему еще идти, люди кивнут, опять-таки указывая на горизонт, но уже не будет в этих жестах ни доброты, ни приветливости. Друзья меж тем потеряются из виду, кто-то, выбившись из сил, останется позади, кто-то вырвется вперед: вон он – крошечная точка у горизонта.

Тебе за ту реку, скажут люди. Осталось десять километров, и, считай, ты уже на месте. Но дорога почему-то все никак не кончается, дни становятся короче, попутчики – реже, а в окнах видны лишь бледные тени, машинально качающие головой.

И так будет до тех пор, пока Дрого не останется совсем один, а на горизонте не появится узкая полоса безбрежного неподвижного свинцово-серого моря. Он почувствует себя усталым, в домах вдоль дороги почти все окна будут закрыты, а те немногие люди, которых он увидит, в ответ на его вопросы лишь горестно разведут руками: все хорошее осталось позади, далеко позади, а ты прошел мимо, не зная этого. Да, возвращаться уже слишком поздно, за спиной нарастает топот множества людей, идущих следом, подстегиваемых теми же иллюзиями, тем же миражем, пока еще невидимым на белой пустынной дороге.

Джованни Дрого спит сейчас в третьем редуте. Ему что-то пригрезилось во сне, и он улыбается. В последний раз навещают его этой ночью чудные образы вполне счастливого мира. Хорошо, что он не может увидеть себя (а ведь когда-нибудь это будет) в том месте, где дорога кончается, на берегу свинцового моря, под однотонным серым небом; кругом ни дома, ни живого существа, ни дерева, ни даже травинки – и так во веки веков.

Глава VII

Наконец-то из города прибыл сундук с вещами лейтенанта Дрого.

Среди прочего в нем была новехонькая, невероятно элегантная шинель.

Дрого надел ее и стал рассматривать себя по частям в маленьком зеркале, висевшем у него в комнате. Эта вещь как бы являла собой живую связь с его прежним миром, и он не без удовольствия подумал, что все теперь станут обращать на него внимание – такая прекрасная была ткань, такими благородными складками она ниспадала.

И еще он подумал, что не следовало бы трепать ее во время ночных караулов, среди этих сырых стен. Казалось даже дурной приметой обновлять ее именно здесь, как бы допуская, что более удачного случая не представится. Сожалел он и о том, что не перед кем в ней покрасоваться, и, хотя было совсем не холодно, он решил надеть шинель, пусть только для того, чтобы сходить к полковому портному и приобрести у него другую, попроще.

Дрого вышел из комнаты и стал спускаться по лестнице, любуясь – где допускало освещение – изяществом собственной тени. Но почему-то по мере того, как он спускался в недра Крепости, шинель утрачивала свой шик. К тому же Дрого почувствовал, что не умеет носить ее естественно и непринужденно, и она стала казаться чужой и слишком щегольской.

Хорошо еще, что лестницы и коридоры были почти безлюдны.

Первый же попавшийся навстречу Дрого капитан ответил на приветствие, не задержав на нем взгляда. Даже изредка встречавшиеся на его пути солдаты и те не косили глазом в его сторону.

Под конец Дрого пришлось спускаться по узкой винтовой лесенке, высеченной прямо в стене; от эха его собственных шагов, разносившегося вверх и вниз, создавалось впечатление, будто он здесь не один. Полы роскошной шинели развевались, обтирая со стен белесую плесень.

Наконец Дрого добрался до подвальных помещений: мастерская портного Просдочимо находилась в подвале. В погожие дни через крошечное оконце под потолком сюда пробивалась узкая полоска света, но в тот вечер уже зажгли лампы.

– Здравствуйте, господин лейтенант, – увидев вошедшего, сказал полковой портной Просдочимо.

В большом помещении освещены были лишь отдельные островки: конторка, за которой сидел какой-то старичок, большой рабочий стол для троих молодых помощников портного. А вокруг, наводя жуть, словно удушенники, болтались на вешалках десятки мундиров, шинелей, плащей.

– Добрый вечер, – ответил Дрого. – Я хотел бы купить шинель. Не очень дорогую, лишь бы ее хватило на четыре месяца.

– Позвольте взглянуть, – сказал портной, улыбаясь. С недоверчивым любопытством он взял в руки край шинели Дрого и подтянул его поближе к свету. (Просдочимо был в звании сержанта, но, как портной, мог позволить себе некоторую ироничную вольность в отношениях с начальством.) – А материал-то хорош, хорош... Небось кучу денег заплатили, у вас в городе умеют драть. – Он окинул профессиональным взглядом всю шинель и покачал головой так, что затряслись его толстые, покрытые сеткой кровяных прожилок щеки. – Жаль только...

– Чего?

– Жаль, что воротник низкий, военные таких не носят...

– Сейчас носят именно такие, – высокомерно заметил Дрого.

– По моде низкий воротник, может, и хорошо, – возразил портной, – но нам, военным, мода не указ. Наша мода – устав, а устав гласит: «Воротник шинели должен прилегать к шее,

иметь округлую форму и высотой быть семи сантиметров». Если я сижу в этой дыре, вы, господин лейтенант, вероятно, думаете, что имеете дело с каким-нибудь захудалым портняжкой.

– Ну что вы! – воскликнул Дрого. – Ничего подобного!

– Наверняка так думаете. А меня уважают даже в городе, и притом самые достойные офицеры. Я ведь здесь работаю временно. Да, вре-мен-но. – Последнее слово он произнес по слогам, словно хотел подчеркнуть его особую важность.

Дрого не знал, что и ответить.

– Со дня на день я могу отсюда уехать, – продолжал Просдочимо. – Если бы не господин полковник, который не хочет со мной расстаться... Не понимаю, что тут смешного?

В полумраке подвала действительно раздалось придушенное хихиканье троих подмастерьев, которые с преувеличенным усердием низко склонились над шитьем. Старичок же продолжал писать, ни на кого не обращая внимания.

– Чего смеетесь-то? – переспросил Просдочимо. – Очень уж вы шустрые. Рано или поздно сами это поймете.

– Действительно, – поддержал его Дрого, – ничего смешного не вижу...

– Дураки, – сказал портной. – Что с них взять?

В этот момент на лестнице послышались шаги, и в дверях показался солдат. Просдочимо вызывали наверх, к начальнику вещевого склада.

– Извините, господин лейтенант, – сказал портной. – Служба есть служба. Через несколько минут вернусь. – С этими словами он стал подниматься по лестнице за солдатом.

Дрого, решив подождать его, сел. После ухода начальника трое подмастерьев прекратили работу. Старичок оторвал наконец глаза от своих бумаг, поднялся и, хромая, подошел к Джованни.

– Слыхали? – спросил он, многозначительно кивнув на дверь. – Слыхали? А знаете, господин лейтенант, сколько уже лет он здесь, в Крепости?

– Откуда ж мне знать?

– Пятнадцать, господин лейтенант, пятнадцать проклятущих лет, а все твердит одно и то же: я здесь временно, не сегодня завтра...

Один из подмастерьев что-то пробурчал. По-видимому, эта история была постоянным предметом их насмешек. Но старичок даже не глянул в ту сторону.

– А сам никогда с места не сдвинется, – сказал он. – И Просдочимо, и наш комендант, господин полковник, и многие другие останутся здесь, пока не подохнут. Это уже какая-то болезнь. Смотрите, господин лейтенант, вы еще новичок, только приехали, смотрите, а то поздно будет...

– Не понимаю...

– Уезжайте отсюда как можно скорее, пока не заразились их манией.

– Я здесь всего на четыре месяца, – сказал Дрого, – и не имею ни малейшего желания задерживаться.

Но старичок не унимался:

– Берегитесь, господин лейтенант. Все началось с полковника Филиморе. «Готовятся важные события», – говорил он. Я прекрасно помню: это было лет восемнадцать назад. Да-да, «события» – именно так он и говорил. Его слова. Вбил себе в голову, что Крепость – бог весть какой важный объект, куда важнее, чем все остальные, а в городе просто ничего не понимают. – Старичок говорил медленно, замолкая чуть не после каждого слова. – Вбил, понимаете, себе в голову, что Крепость – важнейший объект и тут обязательно должно что-то произойти.

Дрого улыбнулся.

– Должно произойти? Война, что ли?

– Кто его знает, может, и война.

– Нашествие из пустыни?

– Не иначе как из пустыни, – подтвердил старичок.

– Но кто, кто же может оттуда напасть?

– А я почему знаю? Ясное дело, никто. Но господин полковник изучил карты и говорит, что есть еще татары – остатки древнего войска, – и они где-то там бродят.

В полутьме подвала послышалось дурацкое хихиканье подмастерьев.

– Вот они их и ждут, – продолжал старичок. – Послушать господина полковника, господина капитана Стиционе, господина капитана Ортица, господина подполковника, так каждый год может что-то случиться. Будут твердить одно и то же, одно и то же, пока их не уволят на пенсию. – Старичок, замолчав, склонил голову к плечу, словно прислушивался. – Кажется, кто-то идет.

Но было совсем тихо.

– Я ничего не слышу, – сказал Дрого.

– Вот и Просдочимо, – снова заговорил старичок, – ведь простой сержант, полковой портной – а туда же, заодно с ними. Тоже ждет. Уже пятнадцать лет... Но вы, господин лейтенант, вижу, мне не верите. Молчите, а сами думаете, мол, чепуха все это. – И добавил почти умоляюще: – Послушайте меня, будьте осторожны. Ни за что не поддавайтесь, не то навсегда останетесь здесь, вы только в глаза ему посмотрите...

Дрого не ответил. Он считал, что ему, офицеру, не подобает откровенничать с такой мелкой сошкой.

– А вы-то, – спросил он, – что делаете здесь вы?

– Я? Я его брат и работаю вместе с ним.

– Его брат? Старший?

– Ну да, – улыбнулся старичок, – старший брат. Я тоже когда-то был военным, но сломал ногу и вот дошел до такой жизни.

В тиши подземелья Дрого слышал, как бьется его собственное сердце. Выходит, даже старичок, корпящий в подвале над счетными книгами, даже это странное и ничтожное существо ждет от судьбы испытаний и готовится к подвигу? Джованни смотрел ему прямо в глаза, а тот грустно кивал в знак того, что ничего не поделаешь. Такие уж мы есть, казалось, говорил он, и никогда нам от этого не исцелиться.

Может, потому, что где-то на лестнице открылась дверь, до их слуха донеслись далекие человеческие голоса, но откуда они исходили – определить было невозможно. Время от времени голоса замолкали, оставляя ощущение пустоты, но вскоре вновь начинали звучать, то удаляясь, то приближаясь, словно медленное дыхание самой Крепости.

Наконец до сознания Дрого стало что-то доходить. Он смотрел на многочисленные тени висящих вокруг мундиров, которые в неверном свете ламп, казалось, шевелятся, и вдруг подумал, что именно в этот момент полковник в тиши своего таинственного кабинета открыл окно, выходящее на север. Ну конечно, в такую унылую темную осеннюю пору комендант Крепости смотрел на север, на черные провалы долины.

Из северной пустыни должна была прийти удача, необычайное приключение, тот чудесный случай, который по крайней мере раз в жизни бывает у каждого. Из-за этой смутной надежды, с течением времени становившейся все более расплывчатой, взрослые мужчины проводили в Крепости лучшие свои годы.

Нормальная жизнь, простые человеческие радости, заурядная судьба были не для них; живя здесь бок о бок, они лелеяли одну и ту же мечту, хотя никогда не обмолвились о ней ни словом – то ли потому, что сами не отдавали себе в этом отчета, то ли просто потому, что были солдатами, а солдаты не любят, когда им заглядывают в душу.

Вот и у Тронка, наверно, была такая мечта. Он педантично соблюдал параграфы устава и железную дисциплину, гордился своим необыкновенным чувством ответственности и заблуждался, полагая, что этого достаточно. Даже если бы ему сказали: все будет так до конца твоей

жизни, все останется без изменений до последней минуты и пора бы тебе уже очнуться. «Нет, это невозможно, – ответил бы он. – Должно же когда-нибудь случиться что-то необычное, что-то поистине важное, такое, после чего можно будет сказать: что ж, теперь, даже если все и кончено, не о чем сожалеть».

Дрого понял их нехитрую тайну и с облегчением подумал, что его, стороннего наблюдателя, все это не касается. Через четыре месяца он с божьей помощью расстанется с ними навсегда. Таинственные чары старой Крепости рассеялись с поразительной легкостью. Так думал Дрого. Но почему этот старик смотрит на него с плохо скрытым сомнением? Почему Дрого охватило вдруг желание насвистать какой-нибудь мотивчик, глотнуть вина, выйти на свежий воздух? Может, ему надо было доказать самому себе, что он действительно свободен и спокоен?

Глава VIII

А вот и новые друзья Дрого – лейтенанты Карло Морель, Пьетро Ангустина, Франческо Гротта, Макс Лагорио. В этот свободный час они собрались все вместе в столовой. Кроме них здесь был только прислужник, подпиравший притолоку дальней двери, а из полумрака с развешанных по стенам портретов взирали на офицеров старые полковники. Восемь бутылок чернели на скатерти среди остатков закончившейся трапезы.

Все были слегка возбуждены – то ли от вина, то ли оттого, что час такой поздний. Когда они умолкали, снаружи доносился шум дождя.

Отмечали отъезд графа Макса Лагорио, который отслужил два года в Крепости и завтра должен был ее покинуть.

– Ангустина, – сказал Лагорио, – если ты тоже решишь ехать, я тебя подожду.

Сказал он это, как всегда, шутливо, но чувствовалось, что намерение свое готов выполнить.

Ангустина тоже отслужил два года, но уезжать не собирался. Он был бледен и сидел с отрешенным видом, словно никто здесь ему не нужен и попал он сюда совершенно случайно.

– Ангустина, – повторил Лагорио, почти срываясь на крик, так как был сильно навеселе, – если ты тоже решишь ехать, я могу тебя подождать. Хоть три дня.

Лейтенант Ангустина промолчал – лишь принужденно улыбнулся.

Его голубой, выгоревший на солнце мундир отличался какой-то неуловимой небрежной элегантностью.

Лагорио, положив правую руку на плечо Ангустины и призывая на помощь остальных – Мореля, Гротту, Дрого, – сказал:

– Повлияйте на него хоть вы. Ведь в городе ему будет лучше.

– Что значит – лучше? – спросил Ангустина, изображая заинтересованность.

– Я хотел сказать, что в городе ты себя будешь лучше чувствовать.

Как, впрочем, и все мы. Так я считаю.

– Я чувствую себя прекрасно, – сухо отозвался Ангустина. – И в лечении не нуждаюсь.

– А кто говорит про лечение? Я сказал, что жизнь в городе пошла бы тебе на пользу.

После слов Лагорио стало слышно, как на дворе льет дождь.

Ангустина разглаживал двумя пальцами усики; разговор этот был ему неприятен.

Но Лагорио не унимался:

– О матери, о родных ты не думаешь... Представляешь, как твоя мама...

– Моя мама не пропадет, – ответил Ангустина тоном, в котором сквозила горькая усмешка.

Лагорио, заметивший это, переменял тему:

– Подумай сам, ведь послезавтра ты мог бы встретиться с Клаудиной. Уже два года, как она тебя не видела.

– Клаудина... – вяло отозвался тот, – какая еще Клаудина? Что-то не помню.

– Ну как же, не помнишь! С тобой сегодня просто невозможно разговаривать! Надеюсь, я не выдал никакой тайны? Вас же постоянно видели вместе.

– А-а! Теперь припоминаю, – просто из вежливости ответил Ангустина. – Нашел о ком говорить. Да она, должно быть, и думать обо мне забыла...

– Ну, это ты брось, нам-то известно, что все девчонки от тебя без ума, нечего строить из себя скромника! – воскликнул Гротта.

Ангустина посмотрел на него в упор долгим взглядом: такая пошлость была ему явно не по душе.

Помолчали. Снаружи, во тьме, под осенним дождем вышагивали часовые. Вода, буль-кая, лилась по террасам, журчала в водосточных трубах, стекала по стенам. За окнами стояла непроглядная темень.

Ангустина вдруг хрипло и резко кашлянул. Казалось странным, что молодой человек с такими утонченными манерами может издать столь неприятный звук. Но Ангустина продолжал кашлять, прикрывая рот и каждый раз наклоняя голову, словно хотел этим показать, что ничего не может с собой поделать, что он здесь ни при чем и вынужден терпеть такое неудобство просто в силу своего хорошего воспитания. Таким образом он превращал кашель в этакую оригинальную привычку, даже заслуживающую подражания.

За столом воцарилась тягостная тишина, которую Дрого счел нужным нарушить.

– Послушай, Лагорио, – спросил он, – в котором же часу ты завтра отбываешь?

– Думаю, около десяти. Хотелось бы выехать пораньше, но нужно попрощаться с полковником.

– Полковник поднимается в пять утра. И летом, и зимой – ровно в пять, так что из-за него у тебя задержки не будет.

Лагорио рассмеялся.

– Да, но я не собираюсь подниматься в пять. Хоть в последнее утро отосплюсь, за мной ведь никто не гонится.

– Значит, послезавтра будешь на месте, – заметил Морель не без зависти.

– Клянусь, мне самому это кажется невероятным, – откликнулся Лагорио.

– Что именно – невероятным?

– Что через два дня я уже буду в городе, – пояснил Лагорио. И после паузы добавил: – Теперь уже – навсегда.

Ангустина был бледен: он уже не поглаживал свои усики, а сидел, устремив невидящий взгляд в полумрак столовой, где особенно ощущалось наступление ночи – того часа, когда страхи покидают облупленные стены, а печали смягчаются, когда душа, горделиво взмахнув крыльями, возносится над спящим человечеством.

Остекленевшие глаза полковников на больших портретах были исполнены предчувствия великих битв. А дождь лил не переставая.

– Представляешь, – вновь обращаясь к Ангустине, сказал Лагорио безжалостно, – послезавтра в это время я, возможно, буду уже у Консальви. Шикарное общество, музыка, красивые женщины.

Так они любили шутить раньше.

– Ну и вкусы у тебя! – пренебрежительно отозвался Ангустина.

– А может... – продолжал Лагорио из самых лучших побуждений, с единственной целью убедить друга, – да, пожалуй, так я и сделаю – нанесу визит Тронам, твоему дядюшке... Там собирается приятная публика и игра ведется «по-благородному», как сказал бы Джакомо.

– Тоже мне – удовольствие! – отозвался Ангустина.

– Как бы там ни было, – возразил Лагорио, – но послезавтра я буду развлекаться, а ты опять пойдешь в караул. Представляешь: я гуляю по городу, – он даже засмеялся от одной этой мысли, – а к тебе в это время является капитан. «Никаких происшествий, заболел часовой Мартини». В два часа сержант разбудит тебя: «Поверка, господин лейтенант». Да, он разбудит тебя ровно в два, могу поклясться, а я в этот час наверняка буду в постели с Розарией...

Лагорио, как всегда, был бездумно жесток – к этому все уже привыкли. Но его слова воскресили в памяти приятелей образ далекого города с роскошными зданиями и огромными соборами... воздушные купола, романтические аллеи над рекой. Там, думали они, сейчас, наверно, стелется тонкая пелена тумана и фонари льют свой слабый желтоватый свет, в котором на пустынных улицах темнеют силуэты парочек, сияет огнями застекленный портал оперы, раздаются крики кучеров, витают отзвуки скрипичной музыки и смеха, из сумрачных подъез-

дов доносятся женские голоса, на невообразимой высоте среди лабиринта крыш светятся окна – милый город, хранящий в себе мечты их молодости и сулящий неизведанные приключения.

Все теперь незаметно поглядывали на лицо Ангустины, напряженное от тщетно скрываемой усталости. И все сознавали, что собрались они здесь, чтобы проститься не с отбывающим Лагорио, а с Ангустиной: ведь только ему предстоит остаться в Крепости. Когда подойдет их черед, они все уедут следом за Лагорио – и Гротта, и Морель, а раньше других – Джованни Дрого, которому нужно прослужить в Крепости всего четыре месяца. Ангустина же останется. Понять, отчего должно быть именно так, они не могли, но знали это наверняка. И хотя товарищи смутно чувствовали, что и в этом тоже было своеобразие, оригинальность Ангустины, никто почему-то уже не находил возможным ему завидовать или подражать: в сущности, слишком уж это напоминало какую-то манию.

А проклятый сноб Ангустина еще и улыбается! Почему он, совершенно больной, не бежит укладывать вещи, не готовится к отъезду, а сидит, уставясь невидящим взором в полутьму? О чем он думает? Какая тайная гордыня удерживает его в Крепости? Значит, и он... Присмотришься к нему, Лагорио, ведь ты его друг, присмотришься хорошенько, пока не поздно, постараешься запечатлеть в своей памяти это лицо таким, каким ты видишь его сейчас: тонкий нос, усталый взгляд, неприятная улыбка... Быть может, когда-нибудь ты поймешь, почему он не захотел последовать твоему примеру, поймешь, какие мысли таились за этим бледным челом.

Наутро Лагорио уехал. Денщик ждал его с двумя лошадьми у ворот Крепости. Небо было затянуто тучами, но дождь прекратился.

С довольным видом Лагорио вышел из своей комнаты, не оглянувшись напоследок и даже не бросив прощального взгляда на Крепость. Крепостные стены возвышались над ним – неприветливые, хмурые, у ворот неподвижно застыл часовой, на обширном плацу не было ни души. Из какой-то прилепившейся к форту будки доносились ритмичные удары молотка.

Ангустина спустился попрощаться с товарищем. Он ласково потрепал коня и сказал:

– До чего красивое животное.

Лагорио уезжал, уезжал в их родной город, возвращался к легкой и приятной жизни. А он оставался и, глядя непроницаемым взором на хлопотавшего вокруг лошадей товарища, изо всех сил старался сохранить на лице улыбку.

– Просто не верится, что я уезжаю, – говорил Лагорио. – Эта Крепость была для меня каким-то кошмаром.

– Передай привет моим, – сказал Ангустина, не слушая его. – Скажи маме, что у меня все в порядке.

– Не беспокойся, – ответил Лагорио и после короткой паузы добавил: – Ты уж прости меня за вчерашнее. Мы с тобой совершенно разные люди... я никогда не мог понять, что у тебя на уме. Мне кажется, ты одержим какой-то манией. А может, я ошибаюсь.

– Да брось ты, – ответил Ангустина, опершись правой рукой на круп коня и глядя себе под ноги. – Я и не думал обижаться.

Да, они были разными людьми, любили разные вещи, неодинаковыми были их интеллектуальный уровень и культура. Даже странным казалось постоянно видеть их вместе, настолько Ангустина во всех отношениях превосходил приятеля. Однако они дружили. Из всех окружающих только Лагорио инстинктивно его понимал, только он жалел товарища и даже испытывал неловкость оттого, что уезжает раньше, как будто делает это из глупого желания выделиться. Потому-то и вел он себя как-то нерешительно.

– Если увидишь Клаудину, – сказал Ангустина бесцветным голосом, – передай привет... хотя лучше не надо, ничего ей не говори...

– О, да она сама спросит, если мы увидимся. Она же знает, что ты здесь.

Ангустина промолчал.

– А теперь, – сказал Лагорио, окончивший с помощью денщика приторачивать к седлу дорожную сумку, – мне пора ехать, время идет. Прощай.

Он пожал другу руку и картинно вскочил в седло.

– Прощай, Лагорио! – крикнул Ангустина. – Счастливого пути!

Выпрямившись в седле, Лагорио взглянул на Ангустину. И хотя он не отличался проныцательностью, смутный внутренний голос говорил ему, что вряд ли они когда-нибудь еще свидятся.

Он пришпорил коня. И тогда Ангустина нерешительно взмахнул правой рукой, словно хотел задержать товарища, сказать ему еще что-то напоследок. Лагорио, проехавший уже метров двадцать, краем глаза заметил этот жест, остановился и спросил:

– Ты что? Забыл что-то сказать?

Но Ангустина уже опустил руку, и вся его поза опять выражала полную безучастность.

– Нет-нет, – ответил он. – Ничего!

– А мне показалось... – смущенно сказал Лагорио и, покачиваясь в седле, не спеша пересек плац.

Глава IX

Террасы Крепости стали такими же белыми, как южная долина и северная пустыня. Снег полностью укрыл эскарпы, хрупким карнизом лег на зубцы стен, с глухим шумом шлепался с водостоков, время от времени непонятно почему срывался с крутых откосов, и тяжелые лавины, клубясь и грохоча, обрушивались в расщелины между скалами.

Это был уже не первый, а третий или четвертый снегопад. Значит, прошло немало времени.

– А у меня такое чувство, что я только вчера прибыл в Крепость, – говорил Дрого.

И действительно, казалось, это было только вчера, но ведь время все равно шло в своем неощутимом темпе, одинаковом для всех – ничуть не более медленном для счастливых и не более быстром для несчастных.

Вот так – ни быстро ни медленно – прошли еще три месяца.

Воспоминания о Рождестве канули в прошлое, наступил новый год, на несколько мгновений пробудивший в людях непонятные надежды.

Джованни Дрого уже готовился к отъезду. Нужно было выполнить еще одну формальность: пройти медицинское освидетельствование, о котором с самого начала говорил майор Матти, после чего Дрого мог покинуть Крепость. Он все время твердил себе, что это замечательно, что в городе его ждет легкая, беспечная и, должно быть, счастливая жизнь, но почему-то удовлетворения не чувствовал.

Утром 10 января он вошел в кабинет врача на самом верхнем этаже Крепости. Врачу Фердинандо Ровине перевалило за пятьдесят. У него было обрюзгшее и умное лицо, на котором лежала печать привычной усталости. Вместо формы он носил длинный темный сюртук, как у судьи.

Ровина сидел за столом, заваленным разными книгами и бумагами, но вошедший без предупреждения Дрого сразу понял, что доктор ничем не занят: просто сидит неподвижно и о чем-то думает.

Окно выходило во двор, где печатали шаг солдаты: дело шло к вечеру, и начиналась смена караулов. Из окна виднелась часть противоположной стены, а над ней – необыкновенно ясное небо. Они поздоровались, и Джованни тотчас убедился, что врач очень хорошо осведомлен о его деле.

– Вороны гнездятся, а ласточки улетают, – пошутил Ровина и вынул из ящика лист бумаги с отпечатанным формуляром.

– Вам, доктор, вероятно, неизвестно, что я попал сюда по ошибке, – сказал Дрого.

– Все попали сюда по ошибке, милый мальчик, – многозначительно заметил доктор. – Да, в той или иной степени все, даже те, кто остались здесь насовсем.

Дрого не вполне его понял и ограничился неопределенной улыбкой.

– О, я вас не порицаю! – продолжал Ровина. – Вы, молодые, правильно делаете, что не хотите здесь застревать. Внизу, в городе то есть, больше перспектив. Иногда мне и самому кажется, что если бы я мог...

– А что, – спросил Дрого, – разве вы не можете добиться перевода?

Доктор замахал руками, словно принял эти слова за неуместную шутку.

– Добиться перевода? – Он расхохотался. – После проведенных здесь двадцати пяти лет? Слишком поздно, юноша, раньше надо было думать.

Возможно, доктору хотелось, чтобы Дрого с ним поспорил еще, но, поскольку лейтенант умолк, он приступил к делу. Предложив Джованни сесть, он спросил его имя и фамилию, занес их в соответствующие графы формуляра. Затем сказал:

– Итак, у вас не в порядке сердечно-сосудистая система, верно? Вашему организму вреден высокогорный климат? Так и запишем, да?

– Что ж, пишите, – согласился Дрого. – Вы врач, вам видней.

– Раз уж дело обстоит таким образом, вам, пожалуй, нужен и отпуск для восстановления здоровья. – Доктор подмигнул.

– Спасибо, – сказал Дрого, – но я не хотел бы злоупотреблять...

– Воля ваша. Значит, отпуск отпадает. Я в вашем возрасте не был столь щепетилен.

Джованни, вместо того чтобы сесть, подошел к окну и время от времени поглядывал вниз, где на белом снегу выстроились солдаты.

Солнце только что зашло, во дворе Крепости разлились голубоватые сумерки.

– Больше половины таких, как вы, после трех-четырех месяцев хотят уехать, – с легкой грустью продолжал доктор, теперь тоже окутанный тенью, так что непонятно было, как он может писать. – Вот и я, если бы можно было вернуть молодость, поступил бы, как вы... Хотя, в общем-то, это неправильно.

Дрого слушал без всякого интереса, так как был поглощен видом из окна. Ему показалось, что на его глазах окружающие двор желтоватые стены поднялись высоко-высоко к хрустальному небу, а над ними, там, вдалеке, еще выше взметнулись одинокие башни, крутые, увенчанные снеговыми шапками откосы, воздушные эскарпы и форты, которых он прежде не замечал. Последние лучи заката пока еще освещали их, и они сверкали таинственным и непостижимым живым светом. Дрого даже не представлял себе, что Крепость так сложна и огромна. На совершенно немыслимой высоте он увидел выходившее на долину окно (или бойницу?). Там, должно быть, тоже есть люди, ему незнакомые, и даже молодые офицеры, с которыми можно было бы подружиться. Он видел геометрически четкие тени провалов между бастиянами, шаткие мостики, повисшие между крышами, странные, наглухо запертые порталы у самой кромки стен, острые, накренившиеся от времени ребристые зубцы.

В свете фонарей и факелов на синевато-фиолетовом дне двора он видел огромных и гордых солдат, обнаживших штыки. На фоне белого снега черные неподвижные шеренги казались выкованными из железа.

Они были прекрасны. Солдаты стояли, словно каменные изваяния, а тут еще запела труба, и голос ее, распространяясь в воздухе – такой живой, серебристый, – проникал в самое сердце.

– Все вы постепенно отсюда уедете, – бормотал в полумраке Ровина, – в конце концов останемся только мы, старики. В этом году...

Внизу, во дворе, играла труба – в этом чистом звуке голос человека и голос металла, сливаясь, трепетали от воинственного пыла. А когда звуки смолкли, вокруг, даже в кабинете врача, еще продолжали витать какие-то неизъяснимые чары. Наступила такая тишина, что можно было различить скрип шагов по смерзшемуся снегу. Сам полковник спустился вниз – приветствовать караулы. И снова три необычайной красоты звука прорезали небо.

– Кто же из вас останется?.. – продолжал сетовать врач. – Лейтенант Ангустина, один он. В этом году, я уверен, и Морелю предстоит отправиться в город на лечение. Держу пари, что и он заболеет.

– Морель? – переспросил Дрого просто для того, чтобы как-то поддержать беседу. – Морель заболеет? – Ничего, кроме этих последних слов, он не слышал.

– Да нет же, – сказал врач. – Это своего рода метафора. Даже сквозь закрытое окно были слышны шаги полковника по остекленевшему снегу. В сумерках примкнутые штыки казались множеством серебряных черточек. Из дальней дали донеслось эхо труб: очевидно, тот же звук, отраженный лабиринтом стен. Врач помолчал, затем поднялся.

– Вот заключение, сейчас понесу полковнику на подпись. – С этими словами он сложил листок, сунул его в конверт, снял с вешалки шинель и меховую шапку.

– Вы со мной, лейтенант? Куда вы все смотрите?

Сменившиеся часовые сдали оружие и расходились в разные стороны. Их шаги на снегу, сливаясь, звучали глухо, но надо всем еще царила музыка фанфар. Потом – это было нечто невероятное – стены, уже окутанные темнотой, стали медленно подниматься к зениту, а от снеговой опушки на карнизах начали отделяться белые облачка, похожие на цапель, плывущих в межзвездном пространстве.

Перед мысленным взором Дрого мелькнула картинка из жизни родного города – бледное такое воспоминание: шумные улицы под дождем, гипсовые статуи, сырые казармы, жалкие колокола, усталые, изнуренные лица, бесконечно длинные вечера, прокопченные потолки.

А здесь, в горах, наступала величественная ночь с бегущими над Крепостью облаками, ночь, сулящая что-то необыкновенное. И оттуда, с севера, таинственного, не видимого за стенами севера, – он это чувствовал – надвигалась его судьба.

– Доктор, доктор, – выдавил из себя Дрого, – я здоров.

– Мне это известно, – ответил врач. – А вы как думали?

– Я здоров, – повторил Дрого, почти не узнавая собственного голоса. – Я здоров и хочу остаться.

– Остаться здесь, в Крепости? Вы передумали, не хотите уезжать? Что с вами?

– Не знаю, – ответил Дрого. – Но уехать я не могу.

– О-о! – воскликнул, подходя к нему, Ровина. – Если вы не шутите, ей-богу, я этому только рад.

– Нет, не шучу, – сказал Дрого, чувствуя, как на смену возбуждению приходит какое-то странное томительное чувство, похожее на счастье. – Доктор, можете выбросить ту бумажку.

Глава X

Это не могло не случиться; так было, вероятно, предопределено еще в тот день, когда Дрого впервые вместе с Ортицом подъехал к Крепости и она предстала перед ним в слепящем глаза полуденном блеске.

Дрого решил остаться. Одного желания, одних мечтаний о подвигах тут было бы, пожалуй, недостаточно. В тот момент он считал свой поступок заслуживающим всяческих похвал и был искренне удивлен, обнаружив в себе такое благородство. Лишь много месяцев спустя, оглянувшись назад, он поймет, какие, в сущности, ничтожные мелочи удержали его в Крепости.

Пусть бы протрубили тревогу, пусть бы грянули военные марши, а с севера пришли вести о надвигающейся опасности – это не остановило бы его; но в нем уже пустили корни рутина, воинское тщеславие, привязанность к этим стенам, которые стали привычным атрибутом его повседневной жизни. Хватило четырех месяцев, чтобы размеренный ритм службы засосал его.

Он привык нести дежурства по караулу, которые вначале казались невыносимо утомительными, постепенно усвоил требования устава, изучил любимые словечки и причуды начальства, топографию редутов, посты часовых, уголки, где можно было укрыться от ветра, сигналы труб.

Овладевая секретами службы, он испытывал какое-то особое удовольствие и стал пользоваться уважением солдат и сержантов. Сам Тронк, убедившись, что Дрого – человек серьезный и аккуратный, по-своему привязался к нему.

Он так близко сошелся с офицерами гарнизона, что теперь даже самые изощренные их шутки и намеки не заставляли его врасплох; вечерами они все вместе подолгу обсуждали городскую жизнь, к которой из-за отдаленности питали повышенный интерес.

Он привык к хорошему столу и удобной столовой, к уютному камину в офицерской гостиной – огонь в нем поддерживался круглосуточно; к заботливому денщику – добрейшему парню по имени Джеронимо, постепенно научившемуся предупреждать все его желания.

Привык вместе с Морелем время от времени ездить в ближайшее селение: добрых два часа верхом по узкому ущелью, которое он знал теперь как свои пять пальцев; привык к трактуру, где можно было наконец увидеть новые лица, где подавали роскошный ужин и звенел веселый смех девушек, всегда готовых одарить гостя любовью.

Привык к бешеным скачкам на лошадях по эспланаде перед Крепостью: в свободное время там можно было посостязаться с товарищами в ловкости; к тихим вечерам за шахматами, не обходившимся, правда, без обид, когда партии завершались победой Дрого. (Капитан Ортиц говаривал: «Новичкам всегда везет. Все через это проходят – каждый думает про себя, что он выдающийся игрок, а дело-то в новизне... со временем и остальные овладевают его приемами, и в один прекрасный день у него уже ничего не получается».)

Привык к своей комнате и мирному чтению по ночам, к напоминающей голову турка трещине в потолке над кроватью и к бульканью цистерны, со временем ставшему совсем домашним, к ямке от своего тела в матрасе, к постели – поначалу такой неудобной, а теперь обмятой и послушной, к точно рассчитанному и уже автоматическому движению руки, которым он гасил керосиновую лампу или клал книгу на тумбочку. Он уже знал, как лучше расположиться утром перед зеркалом для бритья, чтобы свет падал на лицо под нужным углом, как наливать воду из кувшина в тазик, чтобы не набрызгать на пол, как справиться с непослушным замком одного из ящиков, отогнув ключ чуть-чуть книзу.

Привык к поскрипыванию двери в сырую погоду; к местечку на полу, куда падает свет заглядывающей в окно луны, и к медленному перемещению послушного ходу времени лунного луча; к возне в нижней комнате: каждую ночь ровно в половине второго старая рана в правой

ноге подполковника Николози с удивительным постоянством давала о себе знать, прерывая его сон.

Все эти вещи стали как бы частью его самого, и расстаться с ними уже было бы жаль. Однако Дрого не отдавал себе в этом отчета и даже не подозревал, что уехать отсюда ему будет теперь трудно; не знал он и того, что жизнь в Крепости поглощает эти однообразно текущие дни со стремительной быстротой. И вчерашний, и позавчерашний день были одинаковыми, он не мог бы отличить один от другого; то, что было три дня или двадцать дней назад, казалось ему в равной мере далеким. Время текло и текло, но Дрого этого не замечал.

А пока вот он, самонадеянный и беспечный, на эскарпе четвертого редута ясной морозной ночью. Чтобы не замерзнуть, часовые шагают не останавливаясь, и снег скрипит у них под ногами. Огромная и совершенно белая луна освещает землю. И форт, и скалы, и каменистая долина на севере залиты чудесным светом, в котором поблескивает даже неизменная туманная завеса у северного края пустыни.

Внизу, в комнате дежурного офицера, всю ночь горит лампа: язычок пламени слегка подрагивает, отчего по стенам движутся тени. Дрого только что начал писать письмо – надо было ответить сестре друга Вескови, Марии, на которой он со временем, вероятно, женится. Но, написав пару строк, он, сам не зная почему, встал из-за стола и поднялся на крышу.

Это был самый низкий участок фортификации, совпадавший с седловиной перевала. Именно здесь находились ворота между двумя государствами. Их мощные, обитые железом створки не открывались с незапамятных времен. А караульный отряд, дежуривший на Новом редуте, уходил и возвращался ежедневно через узкую, охранявшуюся часовыми боковую дверь: пройти через нее можно было лишь по одному.

Дрого впервые дежурил на четвертом редуте. Едва выйдя на площадку, он посмотрел направо, на покрытые коркой льда и сверкавшие в лунном свете скалы.

Ветер, гнавший по небу маленькие белые облачка, стал трепать полы его шинели – новой шинели, которая значила для него так много.

Он стоял неподвижно и вглядывался в ряды скалистых гор, возвышавшихся впереди, в таинственную северную даль, а накидка шинели хлопала и морщилась на ветру, как реющий стяг. Этой ночью Дрого чувствовал себя красивым и молодцеватым и стоял, выпятив грудь, у парапета смотровой площадки в своей прекрасной шинели с развеваемой ветром накидкой. Рядом с ним стоял Тронк; закутанный в свою широкую крылатку, он даже не был похож на солдата.

– Скажите-ка, Тронк, – обратился к нему Джованни с напускной озабоченностью, – это оптический обман или луна сегодня действительно больше, чем обычно?

– Не думаю, господин лейтенант, – ответил Тронк, – здесь, в Крепости, она всегда кажется такой.

Голоса их звучали преувеличенно громко, словно воздух был стеклянным. Тронк убедился, что лейтенанту он больше не нужен, и, движимый своим вечным стремлением проверить, как несут службу часовые, направился вдоль края площадки.

Оставшийся в одиночестве Дрого чувствовал себя почти счастливым.

Он с гордостью смаковал свое решение остаться, испытывая щемящее удовлетворение оттого, что променял обеспеченные ему маленькие радости на огромное благо с отдаленной и неизвестной перспективой (но не шевелилась ли при этом в его мозгу утешительная мысль, что уехать-то он всегда успеет?).

Предчувствие – или то была лишь надежда? – благородных и великих свершений побудило его остаться здесь, в Крепости, но решение это могло быть и просто оттяжкой, ведь, в сущности, все пути перед ним были пока открыты. А времени впереди еще много. Казалось, его ждет все самое лучшее, что только есть на свете. Куда же ему торопиться?

Даже женщины, эти милые и непонятные существа, ждут его – он был в этом уверен – как счастливая данность, уготованная ему нормальным ходом жизни.

Сколько еще времени впереди! Даже один год – это бесконечно много, а его лучшие годы ведь только начались. Они рисовались его воображению длинной чередой, конец которой и разглядеть невозможно, таким непочатым сокровищем, к тому же столь огромным, что оно еще успеет надоесть.

И не было никого, кто мог бы ему сказать: «Берегись, Джованни Дрого!» Жизнь казалась ему неисчерпаемой; какое упорное заблуждение, ведь молодость уже начала отцветать. Только Дрого не знал, что такое время. Даже если бы впереди у него была молодость, измеряемая, как у богов, не одной сотней лет, время и тогда бы не показалось неторопливым. Но в его распоряжении была всего лишь обычная человеческая жизнь со своим скудным даром – короткой молодостью – годы ее по пальцам можно перечесать, и пронесутся они так быстро, что и не заметишь.

Впереди еще уйма времени, думал он. А говорят, есть на свете люди, в какой-то момент начинающие (ну не чудачки ли!) ждать смерти – банального и абсурдного явления, которое к нему, разумеется, никакого касательства не имеет. Думая об этом, Дрого улыбался, а поскольку его уже начал пробирать холод, принялся мерить шагами площадку.

Крепостные стены в этом месте повторяли рельеф перевала, образуя сложную систему площадок и террас. Сверху Дрого было видно, как в лунном свете отчетливо чернеют на снегу растянувшиеся цепочкой часовые. Под их размеренными шагами похрустывала замерзшая корка снега.

Самому ближайшему часовому, находившемуся метрах в десяти на террасе прямо под Дрого, холод, очевидно, был нипочем, и он стоял, привалившись к стене, неподвижно; казалось даже, что он заснул. Но Дрого слышал, как часовой густым басом напевает какую-то заунывную песню.

Слова, которых Дрого разобрать не мог, накладывались на протяжный и бесконечный мотив. Разговаривать, а тем более петь на посту строжайше запрещалось. Солдата следовало наказать, но Джованни пожалел его: ведь часовому так холодно, так одиноко этой ночью. И, спускаясь по короткой лесенке на террасу, он специально кашлянул, чтобы не застичь его врасплох. Часовой обернулся и, увидев офицера, стал как положено, но пение не прекратилось. Дрого рассердился: что эти солдаты себе позволяют? Думают, можно над ним насмехаться? Вот он ему сейчас покажет!

Часовой сразу же заметил, что лицо Дрого не сулит ничего хорошего, и, хотя формальности с паролем по давнему молчаливому уговору между часовыми и начальником караула не соблюдались, выполнил военный ритуал со всем старанием, вскинул винтовку и особенным голосом, как было принято в Крепости, спросил:

– Стой, кто идет?

Дрого, растерявшись, застыл как вкопанный. Теперь от солдата его отделяло не больше пяти метров, и в ясном свете луны Джованни отчетливо видел его лицо с плотно сомкнутыми губами, но песня звучать не перестала. Откуда же исходил голос?

Обдумывая эту странность – часовой все еще стоял в выжидательной позе, – Джованни машинально произнес пароль: «Чудо».

«Чучело», – отозвался часовой и приставил винтовку к ноге.

В наступившей глубокой тишине, как и прежде, но даже еще явственней, слышались рокошующие звуки песни.

Наконец Дрого все понял, и по спине его медленно пополз холодок.

Да это же вода, голос далекого водопада, с грохотом срывающегося с ближних скалистых склонов. Ветер колебал длинную водяную струю, таинственно играло эхо, камни по-разному

отзывались на удары струи, и все это создавало иллюзию человеческого голоса, бормотавшего и бормотавшего какие-то слова, слова нашей жизни, и, как всегда бывает, казалось, еще немного – и ты их поймешь, да не тут-то было.

Выходит, пел не солдат, не человек, способный чувствовать холод, наказание, любовь; пели враждебные ему горы. Какая обидная ошибка, подумал Дрого, может, и в жизни все вот так: мы считаем, что вокруг нас люди, такие же, как мы, но вместо них только холод, только камни с их непонятным языком. Хочешь пожать руку друга, но твоя протянутая рука безвольно опускается и улыбка гаснет: оказывается, рядом – никого и ты так одинок.

Ветер раздувал великолепную офицерскую шинель, и ее синяя тень на снегу трепетала, как флаг. Часовой стоял неподвижно.

Луна медленно, но неуклонно двигалась навстречу рассвету. «Тук-тук», – стучало сердце в груди Джованни Дрого.

Глава XI

Почти два года спустя Джованни Дрого спал ночью у себя в комнате, в Крепости. Целых двадцать два месяца прошли, не принеся ничего нового, а он все чего-то ждал, словно жизнь именно к нему обязана была проявить особую щедрость. Но двадцать два месяца – срок немалый, за такое время много всякого может произойти: заводятся семьи, рождаются и даже начинают говорить дети; там, где был пустырь, вырастает большой дом; красавица стареет и становится никому не нужной; болезнь, даже самая затяжная, возникнув (пусть обреченный, не зная о ней, продолжает жить беспечно), постепенно подтачивает организм, на короткое время отступает, создавая иллюзию выздоровления, а потом снова находит для себя местечко поглубже и уносит последние надежды; за это время можно похоронить человека и забыть об умершем настолько, что его сын снова станет смеяться и по вечерам безмятежно прогуливаться с девушками по аллеям мимо кладбищенской ограды.

А вот жизнь Дрого вроде бы остановилась. Казалось, события одного и того же дня повторялись сотни раз, без малейшего изменения. Река времени текла над Крепостью, медленно разрушала ее стены, уносила вниз пыль и обломки камней, стачивала ступеньки и цепи, но Дрого не задевала: ей пока еще не удалось втянуть его в свой водоворот.

И эта ночь прошла бы, как все прочие, если бы Дрого не приснился сон. Он увидел себя снова ребенком, сидящим ночью на подоконнике.

Прямо напротив его дома в лунном свете сиял фасад роскошного особняка. Все внимание маленького Дрого было приковано к высокому узкому окну, увенчанному мраморным фронтоном. Луна, проникая через стекла, освещала накрытый скатертью стол, а на нем вазу и несколько статуэток из слоновой кости. Даже по этим немногочисленным предметам, открывшимся его взору, можно было предположить, что там, за ними, в темноте таится обширный зал, первый из бесконечной анфилады помещений, набитых разными ценными вещами, и что весь особняк погружен в сон – в тот глубокий и завидный сон, которым спят обычно богатые и счастливые люди. Какое удовольствие, думал Дрого, жить в этих залах, часами бродить по ним, открывая для себя все новые и новые сокровища.

Но тут между окном, из которого он выглядывал, и чудесным особняком, находившимся от него в каких-нибудь двадцати метрах, появились зыбкие колышущиеся призраки, похожие на волшебных фей со сверкающими под луной длинными вуалевыми шлейфами.

Появление во сне существ, никогда не встречавшихся ему в реальном мире, не удивило Джованни. Они медленно роились в воздухе, настойчиво кружа возле узкого окна.

По самой своей природе эти видения были как бы естественной принадлежностью особняка, и все-таки то, что они не обращали никакого внимания на Дрого и ни разу даже не приблизились к его дому, казалось обидным. Выходит, даже феи избегают обыкновенных детей и тянутся к баловням судьбы, которые о них и не думают, а спят себе преспокойно под шелковыми балдахинами?

– Эй... Эй... – робко подал голос Дрого, чтобы привлечь к себе внимание призраков, хорошо, однако, сознавая, что это бесполезно.

И действительно, они ничего вроде бы не слышали и никто из них не приблизился к его подоконнику даже на метр.

Но вот одно из волшебных существ уцепилось за раму того узкого окна и неким подобием руки тихонько постучалось в стекло, как бы вызывая кого-то.

И почти тотчас хрупкая тоненькая фигурка – такая крошечная на фоне внушительных размеров окна – показалась за стеклами, и Дрого узнал Ангустину – тоже ребенка.

Необычайно бледный Ангустина был в бархатном костюмчике с белым кружевным воротником; его, насколько мог судить Дрого, совершенно не устраивала эта беззвучная серенада.

Джованни надеялся, что товарищ хотя бы просто из вежливости пригласит его поиграть с призраками. Ничего подобного. Ангустина вроде бы и не замечал приятеля и не взглянул в его сторону, даже когда Джованни окликнул: «Ангустина! Ангустина!»

Вялым жестом Ангустина открыл окно и как-то по-свойски наклонился к уцепившемуся за подоконник призраку, словно желая с ним поговорить. Призрак указал на что-то, и Дрого, проследив этот жест взглядом, увидел просторную, совершенно пустую площадь перед домами. Над этой площадью, метрах в десяти от ее поверхности, двигался по воздуху маленький кортеж новых призраков, которые несли паланкин, с виду состоявший из того же вещества, что и они сами.

Паланкин был весь украшен кисейными лентами и плюмажем.

Ангустина со свойственным ему выражением отчужденности и скуки смотрел на приближающуюся процессию; было ясно, что паланкин предназначен ему.

Дрого глубоко уязвила такая несправедливость. Почему все Ангустине, а ему ничего? Ладно бы кому другому, но именно Ангустине, всегда такому надменному, спесивому!.. Дрого посмотрел на другие окна в надежде найти кого-нибудь, кто мог бы за него вступить, но никого больше не было.

Наконец паланкин, покачиваясь в воздухе, остановился подле окна, и все призраки разом сгруппировались вокруг него, образовав что-то вроде трепещущего венка. Все свое внимание они сосредоточили на Ангустине, но в этом внимании угадывалась уже не прежняя почтительность, а жадное, даже недоброе любопытство. Предоставленный самому себе паланкин будто на невидимых нитях повис в воздухе.

И Дрого вдруг перестал завидовать, ибо осознал наконец смысл происходящего. Он видел Ангустину, стоявшего во весь рост на подоконнике, видел его глаза, устремленные на паланкин. Да, именно к нему явились посланцы фей в эту ночь, но с какой миссией! Видно, в дальнюю дорогу повезет его паланкин, и уж не вернется он больше ни на рассвете, ни следующей ночью, ни еще через ночь – никогда. Залы дворца тщетно будут ждать своего маленького хозяина, две женские руки осторожно закроют окно, которое беглец оставит распахнутым, да и все остальные окна запрут на засов, чтобы скрыть в темноте слезы и отчаяние.

Призраки, такие поначалу приветливые, явились, выходит, не для того, чтобы поиграть в лунных лучах; эти невинные создания вышли не из ароматных садов, а из преисподней.

Другие дети стали бы плакать, звать маму, Ангустина же не испугался, а спокойно разговаривал с призраками, словно хотел уточнить кое-какие детали. Прикинув к окну, призраки, напоминаясь взбитую пену, теснились, отталкивая друг друга, и тянулись к ребенку, а тот все кивал: ладно, ладно, мол, все в полном порядке.

Наконец призрак, первым уцепившийся за край окна – наверное, их предводитель, – сделал короткий повелительный жест. Ангустина все с тем же скучающим видом перешагнул через подоконник (казалось, он тоже стал невесомым, как призрак), грациозно ступил в паланкин и уселся, положив ногу на ногу. Гроздь призраков распалась, растворилась среди колышущейся кисеи, и заколдованный экипаж мягко тронулся с места.

И опять образовался кортеж; видения, описав полукруг в пространстве между домами, потянулись в небо, к луне. Следуя по этой дуге, паланкин проплыл в нескольких метрах от окна Дрого, который замахал, словно пытался послать другу прощальный привет: «Ангустина! Ангустина!»

Только тогда умерший товарищ повернул голову к Джованни и на мгновение задержал на нем не по летам серьезный взгляд. Но постепенно на лице Ангустины появилась заговорщическая улыбка: он как бы давал Дрого понять, что им двоим известно многое такое, чего

не знают призраки; это была последняя попытка пошутить, последняя возможность показать, что он, Ангустина, не нуждается ни в чьей жалости; самое обычное дело, казалось, говорил он, глупо даже удивляться.

Паланкин уносил Ангустину все дальше, и вот он уже оторвал взгляд от Дрого и с веселым, но и недоверчивым любопытством стал смотреть вперед, туда, куда двигался кортеж.

Вид у него был, как у ребенка, который получил в подарок, в общем-то, ненужную ему игрушку, но из вежливости не может от нее отказаться.

Вот так, с каким-то сверхчеловеческим благородством, Ангустина удалился в ночь, даже не оглянувшись на свой дом, на дремавшую внизу площадь, на другие дома, на свой родной город. Кортеж медленно змеился в небе, уходя все выше, выше, и превратился сначала в растянутый шлейф, потом в сгусток тумана, потом – в ничто.

Окно осталось открытым, лунные лучи еще падали на стол, вазу, статуэтки из слоновой кости – все продолжало спать. Там, позади, в другой комнате, в мерцании свечей, осталось лежать на кровати безжизненное тело маленького человека, лицом походившего на Ангустину. Наверно, на нем был бархатный костюмчик с большим кружевным воротником, а на его белых губах застыла улыбка.

Глава XII

На следующий день Джованни Дрого командовал караулом на Новом Редуте. Это был небольшой форт в сорока пяти минутах ходьбы от Крепости, возведенный отдельно на вершине скалистой горы над самой Татарской пустыней. Он считался главным, совершенно самостоятельным постом охраны, перед которым стояла задача первым подать сигнал тревоги в случае нападения.

Вечером Дрого выступил из Крепости со своим отрядом в семьдесят человек (именно столько требовалось на Новом Редуте солдат помимо двух канониров), так как там было десять караульных постов. Дрого впервые оказался за пределами Крепости и, в сущности, впервые переступил границу.

Джованни сознавал всю ответственность этого дежурства, но мысли его были заняты главным образом приснившимся ему Ангустинной. Сон оставил в его душе глубокий след: казалось, в нем содержался какой-то смутный намек на будущее, хотя Дрого не был слишком уж суверен.

По прибытии на Новый Редут была произведена смена караула, потом отдежуривший отряд ушел, и Джованни, стоя на краю верхней площадки, смотрел, как он удаляется, пересекая галечники. Сама Крепость отсюда казалась очень длинной стеной, просто стеной, за которой ничего нет. Разглядеть часовых с такого расстояния он не мог.

Виден был только флаг, да и то лишь тогда, когда его начинало трепать ветром.

Целые сутки Дрого будет единственной властью на этом отдаленном Редуте. Что бы ни случилось, помощи просить неоткуда. Даже если появится неприятель, маленький форт должен будет защищаться своими силами. Да, в ближайшие двадцать четыре часа сам король значил бы в этих стенах меньше, чем Дрого.

В ожидании ночи Дрого разглядывал северную равнину. Из Крепости можно было видеть только небольшой треугольный участок пустыни, остальное загоразживали горы. А теперь она просматривалась вся, до самого горизонта, как обычно затянутого пеленой тумана. Перед ним была пустыня, усеянная обломками скал и кое-где покрытая лишаями низкого пыльного кустарника. Справа, далеко-далеко, чернела какая-то полоска – очевидно, лес. С флангов подступали цепи суровых гор.

Среди них были и необыкновенно красивые – с высоченными отвесными склонами, с вершинами, побеленными первым осенним снегом. Но никто ими не любовался: и Дрого, и солдаты инстинктивно смотрели только на север, на унылую равнину, безжизненную и загадочную.

То ли от сознания, что он один несет всю ответственность за форт, то ли от вида этой пустынной местности, то ли из-за странного сна, в котором он видел Ангустину, Дрого чувствовал, как с приближением ночи душа его наполняется безотчетной тревогой.

Стоял октябрьский вечер, погода была неустойчивая, в свинцово-серых сумерках гасли один за другим непонятно откуда падавшие на землю красноватые блики.

На закате Дрого всегда охватывало нечто вроде поэтического вдохновения. Это был час надежд. И Дрого стал перебирать в памяти героические картины, неоднократно приходившие ему в голову во время долгих дежурств и каждый раз обраставшие все новыми подробностями.

Чаще всего он рисовал в своем воображении яростную схватку горстки возглавляемых им солдат с бесчисленным вражеским войском. Вот ночью на Новый Редут совершает набег многотысячная татарская орда.

Он сдерживает ее натиск на протяжении нескольких дней; почти все его товарищи уже убиты или ранены. Шальная пуля задевает и его: рана, конечно, серьезная, но не настолько, чтобы ему пришлось сложить с себя командование. Однако патроны уже на исходе, и он с

забинтованной головой решается вести свой небольшой отряд на прорыв. Наконец прибывает подкрепление, враг разбит и обращен в бегство, а сам он, не выпуская из рук окровавленной сабли, падает без сознания. Кто-то пытается привести его в чувство и зовет по имени: «Лейтенант Дрого, лейтенант Дрого». И он, Дрого, медленно открывает глаза: это король.

Сам король склонился над ним и благодарит за отвагу.

Это был час надежд, когда Джованни выдумывал всякие героические истории, которым, по-видимому, никогда не суждено сбыться, но которые так скрашивают жизнь. Иногда Дрого довольствовался гораздо более скромными фантазиями: пусть не он один окажется героем, пусть не будет раны и даже короля, благодарящего его за отвагу. Пусть будет обыкновенное сражение, одно-единственное, но тяжелое: он идет по всей форме в атаку и с хладнокровной улыбкой бросается навстречу каменным лицам врагов. Одна только битва, но и она, вероятно, могла бы сделать его счастливым на всю оставшуюся жизнь.

В тот вечер, однако, нелегко было чувствовать себя героем. Сумерки уже окутали мир, северная равнина стала совершенно бесцветной, но еще не погрузилась в сон и, казалось, затаила в себе что-то коварное.

Было уже восемь часов, все небо затянуло облаками, и тут Дрого показалось, что на равнине, справа, как раз под Редутом, движется небольшое черное пятно. Наверно, глаза у меня устали, подумал он. Да, я слишком долго вглядывался, вот глаза и устали, и теперь мне мерещатся какие-то пятна. Такое уже с ним случалось, когда он мальчишкой сидел по ночам над учебниками.

Дрого попробовал на несколько мгновений закрыть глаза, потом перевести взгляд на предметы, находившиеся поблизости: на ведро для мытья террасы, на железный крюк в стене, потом на скамейку, на которой, очевидно, сидел сменившийся офицер. И только через несколько минут снова посмотрел вниз, туда, где ему померещилось черное пятно. Оно не исчезло и все так же медленно двигалось.

– Тронк! – взволнованно крикнул Дрого.

– Слушаю, господин лейтенант! – мгновенно откликнулся тот, и голос его прозвучал так неожиданно близко, что Джованни даже вздрогнул.

– А, вы здесь? – сказал он, приободрившись. – Тронк, возможно, я ошибаюсь, но мне кажется... Мне кажется, что там, внизу, движется какой-то предмет.

– Так точно, господин лейтенант, – ответил Тронк уставным тоном. – Я уже несколько минут за ним наблюдаю.

– Как?! – воскликнул Дрого. – И вы заметили? Что же вы видите?

– Тот самый движущийся предмет, господин лейтенант.

Дрого почувствовал, как кровь стынет у него в жилах. Ну вот, начинается, подумал он, начисто забыв о своих героических фантазиях, именно со мной это должно было случиться. Теперь жди какой-нибудь неприятности.

– Ах, стало быть, вы тоже видите? – переспросил он в тщетной надежде, что Тронк ответит отрицательно.

– Да, господин лейтенант, – отозвался Тронк. – Уже минут десять. Я ходил вниз проверять, как чистят пушки, потом поднялся сюда и увидел...

Оба немного помолчали; должно быть, и для Тронка все было тревожно и непонятно.

– Как по-вашему, Тронк, что бы это могло быть?

– Не могу взять в толк. Слишком медленно оно движется.

– Как это – слишком медленно?

– Да, сначала я подумал, что это метелки тростника.

– Метелки? Что еще за метелки?

– Там внизу, подальше, есть заросли тростника, – сказал Тронк, указывая рукой куда-то вправо, хотя жест этот не имел смысла, поскольку в темноте ничего не было видно. – В

это время года на тростнике появляются черные метелки. Иногда ветер обрывает их – они же легкие – и гонит по земле, как клубы дыма... Но здесь что-то другое, – добавил он после паузы. – Метелки бы катились быстрее.

– Так что же это может быть?

– Никак не пойму, – повторил Тронк. – На людей не похоже, они бы подошли с другой стороны. И потом, оно продолжает двигаться. Непонятно.

– Тревога! Тревога!

Это крикнул часовой, находившийся поблизости. За ним закричал другой, третий... Они тоже увидели черное пятно. Потом его заметили солдаты, отдыхавшие в караулке. Все сгрудились у бруствера и смотрели вниз с любопытством, к которому примешивался и страх.

– Ты что, не видишь? – говорил один. – Ну вон же, прямо под нами. Вот, остановилось.

– Наверно, это туман, – предполагал другой. – В тумане бывают просветы, и тогда видно, что там, под ним. Вроде бы что-то шевелится, а на самом деле это дыры в тумане.

– Да-да, теперь и я вижу, – слышался еще один голос. – Но эта темная штукавина стоит на одном и том же месте, похоже, что там просто черный валун, вот и все.

– Какой еще валун! Разве не видишь, оно движется? Ты что, ослеп?

– А я говорю – валун. Я его давно приметил, черный валун, похожий на монашку.

Кто-то засмеялся.

– Пошли, пошли отсюда. Сейчас же все в помещение, – вмешался Тронк, опередив лейтенанта, которого эти разговоры встревожили еще больше.

Солдаты неохотно возвратились в караулку, и опять стало тихо.

– Тронк, – спросил Дрого, не отваживавшийся на самостоятельное решение, – вы не думаете, что надо объявить тревогу?

– В смысле – сообщить в Крепость? В смысле – пальнуть в воздух, господин лейтенант?

– Да я и сам не знаю. Как по-вашему, стоит поднимать тревогу?

Тронк покачал головой.

– Я бы подождал, когда развиднеется. Если выстрелим, всю Крепость поднимем на ноги. А окажется, что там ничего и нет.

– Пожалуй, – согласился Дрого.

– К тому же, – добавил Тронк, – это было бы не по уставу. В уставе сказано, что тревогу можно объявлять лишь в случае опасности, прямо так и говорится: «В случае опасности, при появлении вооруженного противника и если подозрительные лица приблизятся к пограничной стене на расстояние, не превышающее ста метров». Вот что говорится в уставе.

– В общем, да, – сказал Дрого, – а тут, наверное, побольше ста метров будет, правда?

– Я тоже так думаю, – кивнул Тронк. – И потом, мы ведь не уверены, что это человек.

– А что же, по-вашему? – возразил Дрого несколько раздраженно. – Привидение?

Тронк ничего не ответил.

В нерешительности, дожидаясь, когда пройдет эта бесконечная ночь, Дрого и Тронк стояли, опершись о парапет, и напряженно смотрели вниз, туда, где начиналась Татарская пустыня. Загадочное темное существо вроде бы остановилось, уснуло, и Джованни понемногу стал успокаиваться, думая, что там и впрямь ничего нет – просто черный валун, по очертаниям напоминающий монахиню, или это обман зрения, нелепая галлюцинация – все от усталости. Теперь он даже испытывал смутное разочарование: так бывает, когда самые важные часы жизни проносятся мимо, не задев нас, и их грохот затихает вдали, а мы остаемся в одиночестве среди взвихренных сухих листьев, сожалея о том, что упустили опасный, но славный момент.

Ночь все тянулась, и из темной долины снова повеяло страхом. Ночь тянулась, и Дрого чувствовал себя ничтожным и одиноким. На дружескую поддержку Тронка рассчитывать не приходилось: слишком уж они были разными. Вот если бы рядом находились его товарищи –

хотя бы один, – тогда другое дело, тогда у Дрого достало бы сил даже на шутку и ожидание рассвета не было бы таким мучительным.

А языки тумана все ползли и ползли по равнине, образуя призрачный архипелаг в черном океане. Один из них протянулся у самого подножия Редута, накрыв тот таинственный предмет. Все вокруг было пронизано сыростью; шинель Дрого пропиталась влагой и обвисла тяжелыми складками.

Какая долгая ночь! Он уже потерял надежду, что она когда-нибудь кончится, но небо вдруг начало бледнеть, и порывы ледяного ветра возвестили о близком рассвете. И тут на Дрого навалился сон.

Продолжая стоять у парапета, он уже дважды ронял голову и дважды, вздрогнув, поднимал ее. В конце концов она безвольно свесилась на грудь, и налитые тяжестью веки сомкнулись. Нарождался новый день.

Проснулся Дрого оттого, что кто-то тронул его за руку. Он с трудом стряхнул с себя сон, поражаясь тому, что уже совсем светло. Раздался чей-то голос – Тронка, конечно:

– Господин лейтенант, это лошадь.

Только тут он вернулся к действительности, вспомнил о Крепости, о Новом Редуте, о загадочном черном пятне. И сразу же глянул вниз, горя желанием все узнать и в глубине души трусливо надеясь увидеть там одни лишь камни и кусты – ничего, кроме равнины, какой она была всегда – безлюдной, пустынной.

Но голос рядом все повторял:

– Господин лейтенант, это лошадь.

И Дрого действительно увидел эту фантастическую лошадь, неподвижно стоявшую у подножия скалы.

Небольшая, приземистая, но упитанная лошадка, по-своему даже красивая – с сухими ногами и длинной гривой. Выглядела она странно, но больше всего поражала ее масть: иссиня-черная, резко выделявшаяся на фоне тусклой равнины.

Откуда она взялась? Чья она? Ни одно живое существо – кроме ворон и гадюк – уже много лет не заносило в эти места. А тут лошадь, да к тому же сразу видно, что не дикая, а отличный экземпляр, настоящая боевая лошадка (разве что ноги чуть тонковаты).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.